

Рикайн

Бронислава Вонсович

Цветок мака

Бронислава Антоновна Вонсович

Цветок мака

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66434016
Цветок мака / Бронислава Вонсович: Авторское; 2021*

Аннотация

Трудно устоять перед котиком, особенно если котик – наследный принц Гарма. Очень большой чёрный котик, ведь Эвальд – из потомственной семьи оборотней-пантер. Красивый, избалованный, безответственный – разве может быть хуже выбор для серьёзной девушки, привыкшей уважать других за дела и умения? Но что если Эвальд сумеет измениться ради любимой?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	50
Глава 6	60
Глава 7	72
Глава 8	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Бронислава Вонсович

Цветок мака

Глава 1

Асиль

Я родилась в то время, когда по всей степи вспыхивали яркие алые пятна цветущих маков. «Знак судьбы», – сказал отец, и меня так и называли – Асиль, цветок мака. Ребенком я была поздним, родители оба были немолоды, может, поэтому мне позволялось многое из того, что не дозволено орочьей женщине. А может, потому, что и семья наша была не совсем обычна для нашего племени: жена у отца была только одна, хоть он и мог позволить себе нескольких. Четыре у него и были до того, как он встретился с мамой, но когда она решила остаться в Степи, то стала единственной, поскольку таким оказалось ее условие. Отец весьма неплохо по орочьим меркам обеспечил бывших жен, но полностью из своей жизни никого не вычеркнул. Старшие сыновья часто приезжали, и никому он не отказывал в помощи или совете. Остались ли его бывшие жены в обиде? Возможно, но я об этом ничего не знаю. В нашей семье детей было двое: я и мой старший брат Шуграт.

Моя мать к моменту встречи с отцом была туранской королевой. Гордая и независимая, поначалу она ни в какую не принимала ухаживания со стороны дикого для нее мужчины. Отец не хотел, чтобы его любимая женщина чувствовала себя несчастной, и отправил сообщение тогдашнему туранскому королю Генриху, что тот может получить жену и старшего сына, заплатив за них выкуп. «Королева Инесса и кронпринц Гердер погибли, – гласил ответ. – Мне не нужны самозванцы». При этом король точно знал, что это не так: брачная табуировка должна была указать на то, что жена жива. Для матери это стало ударом, поэтому, когда ей выдалась возможность бежать из Степи в Гарм, она отказалась. «Я умерла для Турана, – решила она. – И для Генриха». Гердер, ее старший сын и мой единоутробный брат, так ей этого и не простил, посчитав такой поступок предательством по отношению не только к стране, но и к нему лично. Он вернул свое законное место, но с матерью больше никогда не встречался, да и писал ей крайне редко, хотя раньше, по ее словам, они были очень близки. Но когда мама направила к нему Шуграта, то Гердер, на тот момент уже туранский король, от брата не отрекся, принял его и оказал посильную помощь. Сейчас между нашими народами уже шли переговоры об обмене посольствами между Тураном и Радаем.

Брат очень гордился своим городом, хотя мама с усмешкой говорила, что это просто большая деревня и не более. Но все же Радай – первое орочье поселение, и дом наш, пусть

его и нельзя было назвать дворцом по человеческим меркам, был довольно велик и даже имел сад. А в саду был – небывалая роскошь – пруд с рыбками, там любили сидеть в жаркие дни жены моего брата. Было их пока две, но Шуграт останавливаться на таком ничтожном гареме не собирался. У правителя всего должно быть много, считал он. Но собирать абы кого ради количества он не хотел, каждая новая кандидатура внимательно рассматривалась и пока отвергалась, что нас с мамой вполне устраивало. Мне казалось, что и две много: они и так постоянно ругались между собой, пытались привлечь внимание брата, найти поддержку у нас с мамой.

Отец умер в самом начале строительства ороczego города и не увидел, как мечта сына становится повседневной жизнью. Родители хотели отправить меня учиться магии в одно из заведений человеческих поселений, но смерть отца внесла свои поправки. Шуграт все откладывал и откладывал мою поездку, уверяя, что не может обеспечить безопасность. Это было действительно так: в Степи шли постоянные стычки между разными группами орков, но в последнее время брат подмял под свою руку большую часть, а мелкие племена притихли и не рисковали с ним связываться – месть приходила незамедлительно и была очень жестокой, такой, чтобы и внуки помнили: Шуграта задевать себе дороже. Мама говорила, чтобы я не волновалась, и утверждала, что часть дисциплин я смогу сдать уже прямо сейчас. Сильная магичка, она занималась со мной очень много. Ей хотелось, чтобы жизнь

моя прошла не так, как это принято у орков, у людей все же женщины имели свободы больше, не столь были подчинены мужчинам, а магички и вовсе достаточно независимы. Но маки отцвели уже двадцатый раз со дня моего рождения, а Академия была все так же далека, как и желанная свобода. Все мои дни протекали внутри дома. Были они тихими, размеренными и спокойными, наполненными домашними делами и занятиями с мамой.

И сегодня все шло как обычно. Ничто не предвещало туч, что уже собирались над моей головой, грозя пролиться ливнем с молниями и градом.

– Шуграт, говорят, что скоро приедут люди из Гарма, – мама начала издалека.

– Это так, – важно кивнул он. – Мы будем заключать договор. Довольно мы уже повоевали с гармцами. Пришло время торговать.

Но сегодня маму не волновал ни союз с многолетним противником, ни развитие торговли с ним же, хотя в другое время она не преминула бы поговорить с братом об этом.

– Охрана их будет вполне достаточной, чтобы отправить Асиль с ними, не дожидаясь осени. Она сможет пока снять жилье и, возможно, сдать несколько экзаменов.

– Нет, – ответил брат – Асиль никуда не поедет. Я собираюсь выдать ее замуж.

Его слова были столь для меня неожиданны и так резко отличались от того, что он говорил ранее и обещал папе, что

я совершенно растерялась и ничего не могла на это возразить.

– Замуж? – возмутилась мама. – Но это прямое нарушение воли твоего умершего отца. Ты не можешь обречь сестру на такое!

– Я не могу позволить ей вести жизнь, которая порочила бы меня как вождя, – надменно бросил Шуграт. – Она, конечно, уже не столь юна, но красива и из хорошего рода. Любой соседний вождь был бы рад взять ее в жены.

– Что ты говоришь, Шуграт? – вознегодовала мама.

– А что такого? Не ты ли сама утверждала, что принцессам следует вступать в брак, скрепляющий союз между странами. Чем моя сестра не принцесса? Вот я и собираюсь скрепить. Сразу после отъезда гармцев отпразднуем свадьбу.

– Что может скрепить шестая или седьмая жена? Да ее просто используют и отбросят.

– Ты же была у отца единственной, вот и научи сестру, как это сделать. Пусть отбросят остальных. А мне нужен верный союзник.

– Шуграт, твой отец меня любил. Я не могу научить этому.

– Асиль красива, – равнодушно сказал брат. – Она сможет заставить себя полюбить. Да ее уже любят столько лет, если так упорно добиваются.

Я слушала его холодные слова, и мне становилось страшно и горько. Я не могла представить свою жизнь такой, как у жен брата, в вечных интригах и скандалах. Да еще и в по-

стоянных переездах с места на место, ведь город у орков пока был только один, остальные, кому не повезло здесь поселиться, так и кочевали по Степи, не задерживаясь нигде надолго.

– Шуграт, я не хочу, – попыталась воззвать я к его сердцу. – Отец мне обещал...

– Асиль, женские желания переменчивы, как весенний ветерок, – ответил он с покровительственной улыбкой. – Сегодня не хочешь, завтра передумаешь. И обещал тебе не я. Не волнуйся, я выбрал тебе хорошего мужа. Он давно к тебе сватался, я все отказывал, но пришло время дать согласие.

Брат говорил, будучи полностью уверенным в своей правоте, он не собирался выполнять просьбу отца. Слово, данное другим женщинам, для моего брата ничего не стоило. Он принял решение. И слышать меня не хотел.

– Гренет? – сухо спросила мама.

– Да, – довольно сказал брат. – Он мне обещал...

– Он много мог тебе обещать, – снисходительно бросила мама, – да только выполнять ничего не будет. Неужели тебя ничему не научила история с твоим советником? Шаграт, что о тебе подумают орки, узнав, что ты нарушил слово отца?

– Слово отца – не мое, – зло сказал брат, который очень не любил вспоминать о своем советнике, чуть не заманившем его в ловушку в не столь далеком прошлом. – Мне нужны союзники. На кого я смогу опереться, как не на мужа сестры?

– У которого еще пять жен, и у каждой свои интересы, –

насмешливо сказала мама. – Шуграт, опираться надо на собственную семью. Поверь, сестра, как обученная магичка, будет для тебя полезнее. А все эти временные союзы...

– Мама, да зачем нужна магия женщинам? – Недовольная гримаса брата ясно показала, что он про это думает. – Для Асиль хватило бы пары бытовых навыков да иллюзий. Женщина должна услаждать мужской взор, и этого вполне достаточно.

– Шуграт, твоя сестра обладает хорошим Даром, не столь большим, как мои старшие дети, но выше твоего. Преступление хоронить ее в Степи. Она уже сейчас почти состоявшийся маг, – горячо заговорила мама.

– Это решать уже ее мужу, – упрямо возразил брат. – Захочет – вообще наденет антимагические браслеты. Не всякому понравится, когда жена может молнией запустить или чем похуже. Нам и шаманства хватает, не нужна нам человеческая магия.

– Что ж ты Гердера именно о магической помощи просить хотел? – ехидно сказала мама.

– Но он же сам меня и убедил, что орочьим вождям этого делать не следует, – невозмутимо ответил Шуграт. – Я с ним согласился. Чем ты сейчас недовольна, мама?

Не будет академии, не будет магии – не будет ничего, кроме Гренета, от которого будет зависеть моя жизнь. Я хорошо помнила этого орка. Старше брата лет на пять, сухой, поджарый, он напоминал степного волка, хитрого и изворотливо-

го, под шерстью которого скрывались многочисленные шрамы. И мне он совсем не нравился, но не потому, что щеку его уродовал след от магического удара – такими отметинами здесь были украшены многие, они скорее являлись предметом гордости для тех, кому удалось пережить магическую атаку. Нет, мне не нравились его взгляд, грязный, обволакивающий, и его звериная хитрость, проскальзывавшая в словах и поступках. Отец никогда ему не доверял, даже когда они действовали заодно.

– Шуграт, сестра – это не вещь, которой можно расплатиться и забыть, – продолжала звать к брату мама.

– Я это прекрасно понимаю, – огрызнулся он. – И беспокоюсь исключительно о ее счастье. Женщине нужны муж, который о ней заботится, и дети, которые радуют ее сердце. И дом, красивый уютный дом. Гренет строит свой город. Сестре будет хорошо с ним.

– Шуграт...

– Я сказал. Вы всего лишь женщины и должны подчиняться мужским решениям. Слишком много воли дал вам отец. Но все это закончилось, пора понять.

Он небрежно отстранил мать и ушел. Она стояла, высокомерно вскинув голову, и презрительно смотрела ему вслед, но было видно, что поступок сына ранил ее в самое сердце. Умом я понимала брата. Стремление Шуграта, полукровки, быть больше орком, чем чистокровные соплеменники, не отступать ни от каких традиций. Да, все это я понимала. По-

нимала, но принять такое отношение никак не могла.

– Нужно было нам уезжать сразу после смерти твоего отца, – внезапно сказала мама. – Но я все боялась оставить Шуграта одного. Он был слишком молод и вспыльчив, мог наделать глупостей. Но, к моему огромнейшему сожалению, он все равно их делает, есть я здесь или нет.

– Что же теперь будет со мной? – растерянно спросила я.

– Ты, часом, не хочешь за этого Гренета? – прищурилась мама.

– Нет.

Здесь у меня даже сомнений не было. Меня передергивало только от одного воспоминания о том, кого предназначил мне в мужа Шуграт. Меня всегда удивляла эта вопиющая несправедливость по отношению к орочьим женщинам: у них не было не только права выбора, у них не было вообще никаких прав.

– А что так? Обеспечиваешь себе любящего мужа – он, кстати, еще с твоим отцом договориться пытался – и замечательную компанию из еще пяти жен, если не ошибаюсь. Будет с кем поговорить в свободное время, если оно, конечно, останется после чистки котлов.

В ее словах прозвучала горечь, обычно ей не свойственная, что заставило меня спросить:

– А ты никогда не жалела, что осталась здесь?

– Меня котлы чистить не заставляли, – усмехнулась мама. – Сначала я была на положении почетной пленницы, по-

том – жены вождя. Для грязной работы находились другие.

– И все же?

– Глупо жалеть о том, чего изменить уже нельзя.

– А если можно было бы, ты ушла бы с Гердером?

– Тогда не было бы вас с братом, – тепло улыбнулась она мне. – От вас я ни за что не отказалась бы. Шуграт, конечно, слишком упрям и своеволен, но он добрый мальчик, хоть и вспыльчивый временами. Да и отец ваш, он был замечательным... – тут, видимо, она решила, что эти воспоминания слишком личные, и замолчала. – Нет, я бы ничего не изменила в своем прошлом. Но к чему говорить об этом? Твое будущее, а не мое прошлое – вот что сейчас важно. Тебе нужно уходить, дорогая, как мне ни больно расставаться с тобой. Пришло время, тянуть больше нельзя.

– Но я не смогу пройти одна через всю степь...

– Тебе и не придется идти одной. Я собиралась отправить тебя с гармцами, так и будет.

– Но Шуграт никогда на это не согласится.

– Если ты собираешься ждать его согласия, то он прав, желая выдать тебя замуж, – холодно сказала мама. – Жизнь такова, что либо ты решаешь сама, либо за тебя решают другие.

– Он просто не позволит мне уйти, – запротестовала я, глубоко уязвленная мамиными словами.

– А мы не будем спрашивать его позволения.

В ее голосе звучали сила и уверенность. То, чего так не

хватало мне. Я чувствовала себя полуоторвавшимся лепестком под порывами злого ветра: еще немного – и сорвет меня с так хорошо обжитого места и унесет. Но куда?

Глава 2

Эвальд

Разговор с Эрикой, как ни странно, привел меня в хорошее расположение духа. Те дружеские отношения, которые установились между нами в последнее время, меня вполне устраивали. Жених ее меня совсем не смущал, ведь помолвки не всегда заканчиваются браками, особенно в случае неприязни между семьями. А неприязнь была. Хоть и тщательно скрываемая с обеих сторон, она все равно должна была принести свои плоды раньше или позже. Пока девочка счастлива, но будет ли она такой через год? Посмотрим. Мне не хотелось что-то менять, да и не видел я среди студенток Магической академии другой девушки, с которой захотелось бы пойти в храм. Деда, короля Лауфа, это несколько удивляло: он все вспоминал мою решимость после свадьбы брата немедленно жениться и посмеивался по этому поводу. Но я собирался все же немного подождать и пока не связывать свою жизнь с кем-то другим. Мне нравилась Эрика. Общение с ней немного напоминало охоту из засады и забавляло даже больше, чем я думал. Главное – выбрать правильный момент для нападения, если уж в первый раз промахнулся...

Инор Лангеберг, наш придворный маг, высказал интересное предположение. Чтение большого количества книг, по-

священных оборотням, навело его на мысль, что пара где-то есть у каждого, подобного мне, но природа подстраховалась на случай гибели предназначенной мне женщины и вывела для нее замену. Этой заменой и была Эрика. И наша общая симпатия вполне может стать чем-то большим, если предназначенная мне умрет. Подтвердить или опровергнуть его теорию было нельзя: в книгах, что он давал, были лишь смутные намеки, которые могли трактоваться двояко. Да и вообще ничего не говорило о том, что такая девушка где-то есть.

Мысли об Эрике вскоре были выброшены из головы, полностью замещенные предстоящей поездкой – первым посещением орков. Вождь, к которому мы собирались, был совсем не единственным в Степи, но ему удалось подмять под себя довольно много племен. Начато это было еще его отцом, смерть которого не повлияла на стремление орков объединиться. Самое интересное, что этот вождь, Шуграт, уже успел подписать договор с Тураном, хотя Степь даже близко не граничит с этим государством, а вот Лория, как и мы, только собиралась отправить туда своих представителей. Орки нам обещали безопасность проезда до их столицы и назад, дед решил показать значимость этого договора для Гарма и отправлял с посольством меня. Но до конца он никому не доверял – хоть с нами ехал и придворный маг, на меня нацепили огромное количество артефактов и потребовали, чтобы я никогда и ни при каких условиях их не снимал, при-

слушивался к разговорам вокруг (а слух у оборотней даже в человеческой ипостаси значительно превышает орочий) и, в случае опасности, пусть даже и кажущейся, немедленно обращался и уходил оттуда. Возможности пользоваться телепортами в Степи не было – шаманы об этом позаботились, установив свои, только им понятные приспособления, искажавшие телепорт так сильно, что нельзя было предсказать не только точку выхода, но даже доберешься ли ты туда живым.

Инор Лангеберг был весьма недоволен предстоящим путешествием верхом на лошади, он предпочел бы карету с мягкими подушками внутри, если уж порталом пользоваться нельзя. Но, увы, дорог в степи не было, так что карета, скорее всего, не выдержала бы всего пути, а то и развалилась бы в самом начале. Радовало только то, что ехать недалеко: селиться орки стремились подальше от руин человеческих городов, уверенные в том, что в тех местах живут злые духи, приносящие несчастье, вот и получилось, что единственный орочий город оказался довольно близок к границе с нами. Скорее всего, за пару дней доберемся.

Дед давал последние инструкции, я его почти и не слушал: он твердил одно и то же с тех самых пор, как решил, что мне придется ехать. Видно, думал, что от постоянного повторения у меня в голове все уложится правильно и при необходимости сразу всплывет. Но все осложнялось тем, что мы почти совсем ничего не знали про нравы и обычаи орков – только то, что выяснили из расспросов торговцев, а им

тоже многие тонкости наверняка неизвестны. Туранцы рассказывать ничего не хотели и предложили вести дела через них. Для этой страны такое положение дел было бы весьма выгодным, но дед посчитал, что раз уж у них все получилось, то мы тоже не должны оплошать. И вовсе не я, а пара опытных дипломатов, что с нами ехала, являлась залогом нашего успеха. Свита моя была не слишком большая, чтобы не обидеть принимающую сторону недоверием, но состояла наполовину из сильнейших боевых магов, наполовину – из лучших бойцов Гарма, что делало мою персону практически неуязвимой для возможных атак.

– Ладно, идите уж, – проворчал дед, который, похоже, давно догадался, что я его не слушаю. – И пусть пребудет с вами Богиня. Клаус, – обратился он к инору Лангебергу, – я на тебя рассчитываю больше, чем на этого оболтуса. Я в его годы был намного серьезнее.

– Так на вас и ответственность была больше, Ваше Величество, – ответил ему маг. – А внук ваш уверен, что его спину всегда есть кому прикрыть. Не вы, так Его Высочество Краут поможет.

Дед пришел к власти в результате неудавшегося дворцового переворота. Был он весьма дальним родственником правящей на тот момент семьи, полностью вырезанной заговорщиками, но возглавил тех, кому такая смена династии пришлась не по нраву, и после захвата и казни преступников оказалось, что прав на трон у него больше, чем у кого дру-

того. Недовольные тем, что во главе страны встал оборотень, были, все же не так уж нас и много что в Гарме, что в целом на Рикайне, но после нескольких десятков лет правления короля Лауфа таких не осталось.

– Как бы от этой уверенности не случилось чего-нибудь плохого, – недовольно сказал дед. – Там я ему спину не прикрою, а любая ошибка может оказаться смертельной.

– Не преувеличивайте, Ваше Величество, – усмехнулся инор Лангеберг. – Будь это так, вы не отправили бы своего внука.

Дед недовольно зыркнул на подчиненного, слова его предназначались больше мне, чем нашему магу. Он хотел просто донести наконец до меня мысль, что отправляюсь я совсем не на загородную увеселительную прогулку, но я это и без того давно понял и собирался быть предельно внимательным и осторожным. Но сейчас, в родном дворце, я же мог позволить себе немного расслабиться?

– Пусть не смертельной. Но стыдно будет, если мы так и останемся зависимыми от Турана в вопросе переговоров с орками, – недовольно буркнул дед.

– Я сделаю все, что только смогу, ты же знаешь, – попытался я его успокоить. – Так что не волнуйся.

– Вот именно потому, что знаю, и волнуюсь, – вздохнул он.

Высказанное недоверие меня страшным образом обидело. Только раз я разочаровал деда, и, похоже, об этом при-

скорбном случае мне будут напоминать до конца моих дней. Но разве же я знал, что туранская Шарлотта окажется истинной парой младшего брата? Да и шутка деда про импринтинг была не очень удачной: я-то принял его слова как руководство и уверился, что удастся завоевать так нужную для нашей страны девушку. Я ведь старался не для собственного блага. Но мои поступки поняли превратно и оценили совсем не так, как я надеялся. Пожалуй, тому, что я потерпел такое сокрушительное поражение в Туране, я был даже рад: Шарлотта была совсем не в моем вкусе, хотя я и готов был собой пожертвовать, а теперь у меня появилась возможность выбрать жену, которая мне приглянется. Хотя, конечно, дед примет не всякий мой выбор, если происхождение невесты его не устроит – жди беды. Я и об Эрике наводил тщательные справки, чтобы убедиться, что она из хорошей семьи, прежде чем представить ее моим родным. Так что я предусмотрительный и осторожный, что бы там некоторые короли ни думали и ни говорили по этому поводу.

Дед проигнорировал мое оскорбленное выражение лица и еще раз попросил инора Лангеберга быть внимательным ко всем мелочам. После чего мы наконец отправились к телепортистам, где нас уже ждали. Большая часть нашей группы была отправлена в приграничный городок вместе с лошадьми своим ходом еще несколько дней назад: дед мой и так ворчал, что телепорты съедают слишком много энергии, а уж отправлять транспортное средство таким образом

– форменное расточительство. Я подхватил свой походный мешок, собранный слугами и терпеливо меня дожидавшийся в компании дежурного мага, и шагнул в открывшийся телепорт.

– С прибытием, – невозмутимо сказал инор Лангеберг, вышедший из телепорта сразу после меня.

Довольный вид нашего мага разозлил меня еще сильнее. Вот почему такая несправедливость? Даже ему дед доверяет больше, чем мне. Но я ему еще докажу...

Выехали мы сразу же. Разговор с дедом затянулся, так что следовало ускориться, чтобы наверстать упущенное. Тратить на дорогу больше, чем двое суток, я не собирался. Думаю, инор Лангеберг тоже. Я окинул нашего мага придирчивым взглядом. Интересно, насколько хватит этого лощеного типчика, привыкшего к комфорту и упорно пытавшегося внушить деду, что уж одну карету отслеживать будет совсем несложно? Но дед твердо ему ответил, что разбрасываться магией при орках не следует, да и никогда не знаешь, где тебе могут пригодиться магические силы. Так что наш придворный маг, как и все прочие, тряся сейчас в седле, правда, вид при этом имел на удивление довольный. С другой стороны, за столько лет придворной жизни уж что-то, а контролировать проявление эмоций он, несомненно, научился, ворчать и жаловаться прилюдно точно не будет.

Проводники появились сразу, как мы пересекли условную границу. Радости при виде друг друга мы не испытали, с обе-

их сторон была лишь настороженность: многолетнюю вражду нельзя отринуть за такой короткий срок, да и неизвестно пока, сможем ли мы договориться с этим Шугратом. Впрочем, он обещал, что мы в любом случае будем неприкосновенны и покинем Степь безо всякого урона. Но расслабляться не стоило. Слово, данное орком врагу, могло быть нарушено. Пока врагами они нас не считают, но кто знает, что будет после встречи с их вождем?

Ехать вместе с орками не хотелось, но от этого было никуда не деться. Если бы мы отправили их вперед, а сами двигались за ними, как предложил поначалу инор Лангеберг, то встречные степняки могли подумать, что мы преследуем наших сопровождающих, и напасть. Так что теперь приходилось все время быть начеку. Я перешел бы в свою вторую ипостась, в ней в компании недавних врагов было бы намного удобнее, но дед запретил. Он сказал, что степные жители могут воспринять это как оскорбление, как недоверие к обещанной безопасности.

Двигались мы довольно бодро, так как проводники тоже не жаждали быть с нами больше необходимого. Судя по многочисленным шрамам, им не раз приходилось участвовать в стычках с нашими войсками, да и отсутствие дружелюбия явно на это указывало. На ночь мы остановились двумя лагерями, довольно близко друг от друга, но каждый со своей охраной. Я был уверен, что уж тут-то инор Лангеберг начнет капризничать и требовать условий, соответствующих его

положению: магией ведь ему без крайней на то необходимости дед пользоваться запретил, а он привык к значительному комфорту дворца, из которого почти и не выбирался. Но нет, к моему глубокому огорчению, возможности прикрикнуть на капризничающего мага у меня не появилось: он спокойно поужинал и лег, как и все, на тонкую подстилку. Спали мы чутко, не полагаясь лишь на бодрствующих, но все обошлось.

На следующий день настороженности было уже меньше, с орочьим командиром мы даже перекинулись парой фраз. Я пытался выяснить хоть немного о принятых у них обычаях, чтобы не попасть впросак при встрече с их вождем, но орк был неразговорчив и совсем не собирался читать лекцию о правилах поведения в стойбище. Короткие, односложные ответы – большего не удалось добиться даже нашим хваленным дипломатам, как ни разливались они соловьями в попытках подобрать нужную тему для разговора. Впрочем, им и не приходилось раньше искать общий язык с дикарями, ведь никто не предполагал, что наше многолетнее противостояние с орками закончится так внезапно. Да и нас учили только допросам. Я скосил глаза на проводника. Интересно, сколько бы он выдержал, примени я свое умение? Жаль, что ранее нам никогда не приходило в голову интересоваться особенностями их внутриплеменной жизни, а сейчас и не поспрашиваешь уже толком...

Так далеко я еще ни разу не забирался. Нет, рейды вглубь

орочьей земли были довольно частым явлением, но все они проходили не на таком уж большом расстоянии от границы – полдня-день неспешного пешего хода. А Степь в это время была хороша: сочная зелень разбавлялась яркими цветами, названий которых я не знал. Собственно говоря, из всего разнообразия растительного мира знал я более-менее только о розах, и то потому, что были они увлечением бабушки, королевы Ниалии, которое дедушка всячески поддерживал, привлекая в помощь меня и моего младшего брата. И если бы все ограничивалось только зазубриванием каталогов. Мы копали, сажали, поливали, удобряли, по мере сил, конечно... Так что о розах я мог рассказывать много и достаточно долго, только в моем нынешнем окружении это вряд ли кого заинтересовало бы.

Я наклонился, не слезая с коня, и сорвал привлечший мое внимание цветок – ярко-алый, с черной серединкой, он был необыкновенно красив. Я неожиданно вспомнил, как он называется: мак. Несколькими неделями раньше их было намного больше – цвели они крупными скоплениями, ярко, празднично. Но этот был одинок – меня ждал, не иначе. Пах он солнцем, слабо, еле уловимо, нежно, как легкое дуновение ветерка. Не то что розы, чей душный, тяжелый запах я не любил с детства, мне он казался каким-то давящим, неприятно-влажным. Но зато они цвели практически все время, украшая собой дворцовый парк, да и в срезке были хороши. Да, роза – это цветок королей. Мак, конечно, тоже неплох,

но его место не во дворцах, а здесь, в Степи.

Вспомнил я о сорванном цветке только к вечеру, когда мы подъезжали к Радаю. Где я его уронил, только Богиня знает. Но жалеть об этом я не стал: все равно к этому времени мак бы уже увял. Да если и не увял бы, к чему он мне?

Глава 3

Асиль

Аджиала, старшая жена брата, пришла, когда я отработывала технику иллюзий. Увы, мне никак не удавалось добиться обмана всех чувств, мои мороки были бесплотными и совсем ничем не пахли. Теорию я знала просто отлично, это мама признавала, но где при превращении теории в практику что-то шло неправильно, понять не могла даже она. Так что я экспериментировала, меняя некоторые параметры, чтобы разобраться, где именно происходит сбой. Это требовало полной самоотдачи, поэтому невестке я не обрадовалась и поздоровалась довольно неприветливо, что совсем ее не обескуражило. Круглое лицо Аджиалы сияло, как солнце в летнем безоблачном небе, ибо повод для счастья у нее был очень весомый.

– Асиль, я так рада, так рада, – затараторила она и попыталась меня обнять.

От объятий я уклонилась, но концентрацию потеряла, и небольшой иллюзорный куст с так и не распустившимися бутонами рассыпался разноцветными искорками. Жена брата испуганно ойкнула и попятилась.

– И чему же ты так рада, что мешаешь мне заниматься? – недовольно спросила я.

– Ой, да не тем ты занимаешься. – Она пренебрежительно посмотрела на то место, где не так давно была моя иллюзия. – Опять ерунду всякую делаешь. Тебе к свадьбе готовиться нужно. Счастье-то какое тебе привалило – сам Гренет в жены берет!

Счастья было так много, что в себе я его удержать не смогла – мое лицо перекосилось в настолько довольной гримасе, что Аджиала отшатнулась, и, похоже, в ее голову закрались сомнения, что эта новость для меня столь же отрадна. Впрочем, в голове у нее долго ничего не задерживалось – видно, мыслям зацепиться там было не за что и малейший порыв ветра выдувал их напрочь.

– А тебе-то что за радость? – хмуро спросила я. – Он же не на тебе жениться собрался.

– Мы уже переживали, что ты так и помрешь старой де-вой, – нахально ответила она. – А это позор для рода, если бы тебя никто в жены взять не захотел.

Если жены брата и переживали обо мне, то лишь о том, как бы поскорее выставить меня из дома. Впрочем, дорог для меня было несколько, и не все они вели в чужой шатер. Жены, конечно, не имели на брата никакого влияния, но попробовать воздействовать через них все же стоило. Вдруг при-слушается?

– Аджила, я сама не хочу замуж, а не меня никто не берет – чувствуешь разницу? Я собираюсь и дальше магией заниматься, а для этого нужно учиться. Отец обещал, что отпра-

вит меня к людям.

— Глупости это все, — махнула она пухлой ручкой, все пальчики на которой были унизаны разноцветными перстнями. — Женщина должна заботиться о муже, почитать и уважать его. На этом стоит жизнь нашего народа. Так что тебе не магией надо заниматься, а за вышивку садиться, чтобы обеспечить себе достойное приданое. Мы с Изарой поможем, а то одна ты не успеешь.

Изара, младшая жена брата, была почти копией Аджиалы, разве что похудее. Но это отличие явно было временным, так как она очень любила поесть, чем занималась в любое свободное время. А несвободного у нее почти не было: мои невестки никаких занятий не имели, и дни их проходили в пустой болтовне и ожидании того, что брат позовет кого-нибудь из них к себе. Даже единственным пока племянником занималась нянька. Представить кого-нибудь из них с иголкой в руке было выше моих сил. Я с подозрением уставилась на старшую невестку. Как же они жаждут от меня избавиться, если готовы идти на такие жертвы? Хотя о чем я? Наверняка привлекут служанок, которые и так постоянно заняты, а сами будут наблюдать и прикрикивать. Я впервые задумалась, как же им не нравится мое поведение, так сильно отличавшееся от их. Мама с презрением относилась к их жизни, считая ее бессмысленной и пустой, но они даже не пытались что-то изменить. Да и вряд ли хотели. Почти сразу после свадьбы Аджиала пожаловалась мужу на свекровь, тот невозму-

тимо ответил: «Знай свое место, женщина. Моя мать для тебя необсуждаема». На том все и закончилось. После смерти моего отца жена брата попыталась опять подняться в семейной иерархии, но Шуграт к тому времени взял вторую жену, а первой пригрозил, что вернет родителям, если не прекратит скандалить. Та спрятала обиды подальше и при встрече с нами лишь улыбалась и говорила восторженные слова, веры которым не было.

– Если вы уж так с Изарой обеспокоены, – ответила я, – может, тогда сами и займетесь всем? Я в традициях не сильна, сделаю что-то не то, а позор на вас ляжет.

– Конечно, мы присмотрим, – добросердечно улыбалась Аджиала. – Не в простую семью переходишь, женой вождя станешь, здесь все правильно должно быть. К тому же он женится не впервые, сразу отметит, если что упустят, и посчитает за неуважение. Мы не можем этого допустить.

– А мы обязательно что-то упустим, – с воодушевлением подтвердила я. – И весь позор падет на тебя. Нужно отговорить Шуграта, ничего хорошего нашей семье этот брак не принесет.

– Ты думаешь?

Рот Аджиалы округлился, возможно, чтобы обеспечить беспрепятственное проникновение мыслей в голову, если таковые вдруг захотят ее посетить. Так и хотелось ответить: «Да, я – думаю, а вот ты, похоже, нет». Но злить невестку было нельзя. Пусть ее влияние на Шуграта очень невелико,

но вдруг, если ему со всех сторон начнут говорить одно и то же, он передумает?

– Я уверена. Меня готовили в маги, а не в жены вождя. Забудусь ненадолго, и одним вождем у орков станет меньше, а брат получит кровную вражду с семьей Гренета, – пригрозила я.

– Антимагические браслеты помогут, – ехидно сказала Аджиала. – Жена должна быть покорной и любящей. И без магии. Это слова Шуграта.

Я разозлилась окончательно. Лишить магии – это же все равно как забрать у человека одно из чувств, позволяющих познавать мир. Неужели кто-нибудь добровольно отказался бы от слуха или зрения? Но лишить магии считают нормальным. Так уж распорядилась судьба, что брат имел небольшой магический дар, зато, в отличие от меня, у него был шаманский, который Шуграт и развивал. Поэтому для него лишение магии было всего лишь словами, за которыми ничего не стояло. А для меня это было потерей целого мира.

Я сделала вид, что никакой Аджиалы здесь нет, повернулась к ней спиной и опять занялась непокорной иллюзией. Думала я даже не о том, что делаю, а исключительно о том, чтобы жена брата убралась отсюда вместе со своей радостью. Возможно, именно поэтому у меня наконец получилось. Во всяком случае, запах присутствовал точно. Правда, это был совсем не нежный аромат, присущий этому мелкому кустарничку, цветущему по ночам и выбранному мной в качестве

образца для иллюзии, да и ароматом его назвать, пожалуй, было нельзя. Скорее вонь, совершенно мерзкая, проникающая везде и всюду. Аджиала прикрыла рот своим широким вышитым рукавом, закашлялась и с трудом выдавила:

– Шуграт прав. Мужу тебя можно отдавать только в анти-магических браслетах.

Слова звучали угрозой, но я не обратила на них ни малейшего внимания. Я трогала листочки и ощущала их плотность и упругость. Наконец-то получилось! А что запах не тот, так сейчас немного откорректируем, и...

После корректировки жена брата вылетела из комнаты, как будто от этого зависела ее жизнь. Возможно, так оно и было: вонь стала еще более удушливой, вязкой, обволакивающей и противной. Еще несколько поправок так и не принесли желанного результата. К сожалению, долго заниматься мне не дали. В комнату ворвался брат, закашлялся и заорал:

– Немедленно убери!

Заклинание развеялось и унесло с собой не только растение, но и отвратительный запах. Брат осторожно вдохнул, успокоился и продолжил более мирно:

– Никакой магии, пока не уедут гости из Гарма.

– Они еще даже не приехали, – умоляюще сказала я. – А у меня только начало получаться, мне бы разобраться, что не так.

– Мы должны подготовиться к встрече, – отрезал брат. – Я не хочу, чтобы из-за твоей магии разбежались те, кто за-

нимается подготовкой. Помни, мое слово – закон. Будешь упрямиться – заблокирую магию.

– Шуграт, я дала ей задание, – недовольно сказала вошедшая мама. – Как она его выполнит, если ты запрещаешь пользоваться магией?

– Я уже говорил, – раздраженно выдохнул Шуграт, – не нужна Асиль никакая магия! От нее только вред один! Вот увидел бы это Гренет...

По-видимому, он собирался сказать, что жених от меня отказался бы, но, заметив мою заинтересованность, продолжил после небольшой паузы:

– Сразу потребовал бы, чтобы мы на его невесту надели антимагические браслеты. Провоняла весь дом со своими занятиями!

– Но сейчас никакого запаха нет, – невозмутимо возразила мама, – он был обычным наваждением.

– Никаких занятий магией, – повторил брат. – Не заставляйте меня прибегать к крайним мерам.

Он нехорошо сощурился, намекая, что в случае неповиновения мои запястья украсят антимагические браслеты задолго до дня намеченной свадьбы

– Хорошо, – немного помедлив, согласилась мама, – мы подождем отъезда гармцев.

Я не могла быть столь же спокойной, как она. Ведь как раз сейчас я поняла, что же было не так в воняющей иллюзии, и хотела проверить. Но, увы, все эксперименты теперь откла-

дывались на срок, известный только Богине.

– И это правильно, – важно сказал Шуграт. – Сестра должна понять, что магия – лишь забава, и только ее мужу решать, можно ли этим заниматься.

Он ушел, а мама начала расспрашивать, чего мне удалось добиться. Она порадовалась моим успехам, но сказала, что рисковать пока не надо, а то из-за блокировки побег окажется под угрозой. Последнее время она больше уделяла внимания правилам поведения людей, но подчеркивала, что целиком полагаться на ее знания не стоит, прошло слишком много времени с тех пор, как она была среди себе подобных, да и у простолюдинов могут быть манеры и привычки, ей незнакомые. Женскую одежду мне предстояло покупать самой в первом же человеческом городе, ведь она очень сильно отличалась от той, что была на нас, и мама рассказывала, на что следует обратить внимание. Она приготовила деньги и драгоценные камни, которые весили мало, но стоили дорого, и надеялась, что этого хватит надолго – главное, не носить это все с собой, а сразу положить в любой гномий банк.

Прибытия гармцев я ожидала даже с большим волнением, чем брат. В чувствах моих перемешивались страх, печаль от расставания с мамой и ожидание чего-то неизведанного столь причудливо, что я даже сама не могла сказать, чего там больше. Мне хотелось новой жизни, но я и боялась ее. До сих пор я никогда одна не была – всегда рядом были те, к кому можно обратиться за советом и помощью. Со страхами я бо-

ролась. Мама права, если ты не берешь на себя ответственность за свою жизнь, всегда найдется тот, кто будет за тебя решать. Но насколько успешна моя борьба? Не знаю. Сейчас оставалось только ждать.

Гармцы приехали под вечер, когда мы уже решили, что они появятся только завтра. Осматривались они вокруг настороженно, но и с любопытством. Наверное, наше поселение казалось им мелким и незначительным по сравнению с собственными, во всяком случае, у того, кто показался мне их вождем, с лица не сходила насмешливая полуулыбка, не особо его красившая. Правда, сам он был довольно привлекательным, наверняка не одна инорита по нему страдала, но не это привлекло меня в нем, а некая неуловимая странность. Когда я применила магическое зрение, использование которого брат не запретил, странность только усилилась. Но что она значит? Сама я на этот вопрос не смогла ответить.

– У того человека аура неправильная, – наконец поделилась я наблюдениями с мамой.

– А, лиарин сынок, – с какой-то странной интонацией сказала она. – Он не совсем человек, оборотень.

– Оборотень? – восхитилась я. – А в кого он превращается?

– В кошку, – недовольно ответила мама, скорчив пренебрежительную гримасу. – В большую, правда, но все же кошку. Постарайся держаться от него подальше, когда поедешь с гармцами.

– Почему? – удивилась я.

Кошек я не боялась, даже больших: они были такие славные, пушистые, теплые.

– Одна из их фамильных черт – повышенная любвеобильность до обретения пары. Он, скорее всего, не догадается, что ты девушка, но все же лучше его внимания не привлекать.

– Ты не веришь в свой артефакт?

– Верю. На восприятии обычных людей и даже магов он должен сработать идеально, но у меня не было возможности проверить, как он действует на обратной. Впрочем, от таких типажей девушке в любом случае желательно держаться подальше: обольстит, бросит, а через несколько дней уже и не вспомнит.

На первый взгляд не было заметно, что у гармского принца проблемы с памятью, но маме было виднее, прожила она намного дольше – не будь она магичкой, выглядела бы уже пожилой женщиной, у нее были даже внуки старше меня. Но постоянные занятия магией позволили сохранить не только стройность тела и ясность ума, но и отсрочили появление зримых признаков старения.

Мы стояли за полупрозрачной занавеской, и с улицы нас наверняка не было видно, но я все же испуганно отпрянула вглубь, когда гармец вдруг поднял голову и посмотрел, казалось, прямо на меня. Было в нем что-то притягательное и отталкивающее одновременно.

– Красив, – неодобрительно отметила мама, – в Лиару пошел, хотя и Краут был неплох. Он тебя не видит, не бойся.
– Я не боюсь.

Когда я опять подошла к окну, навстречу гостям уже вышел Шуграт. Вышел не один, вместе с ним, но чуть сзади, тем самым показывая свою подчиненность, двигался Гренет – тот, кого мне предназначили в мужа и кого я ни за что не хотела бы видеть рядом с собой. Появление его было весьма неожиданно и неприятно для меня.

– Когда он только приехал? – невольно произнесла я. – Уж Аджиала могла бы про это рассказать, раз уж озаботилась моим приданым.

– Шуграт совершает огромную глупость, связываясь с ним, – проворчала мама. – С такими возможен только временный союз, нужно четко понимать, что это враг. Хитрый и изворотливый.

– Шуграт поймет, – неуверенно сказала я.

– Как бы это знание не стало для него последним, – мрачно бросила мама.

Тем временем гармцы спешили, показывая уважение к хозяевам. Брат обратился к ним с приветственной речью. Слышно нам не было, но не думаю, что там было что-то отличавшееся от обычных цветистых выражений, восхваляющих силу и достоинство гостей. С ответной речью выступил не принц, как я ждала, а один из богато одетых людей. Видимо, он тоже говорил правильные вещи, так как Шуграт довольно

улыбался и даже пару раз благосклонно кивнул. По завершении гармец вручил брату саблю в ножнах, украшенных эмалью и самоцветами. Ножны брата не привлекли, а вот клинок... На лице Шуграта проступило восхищение, Гренета перекосило, похоже, от зависти, но ему ничего не подарили, что порадовало. Наконец, гостей пригласили в дом, но туда отправились не все – лишь принц и несколько человек его свиты. Вожак гармцев перед уходом опять бросил взгляд, казалось, прямо на наше окно.

– Вот ведь кошак, – усмехнулась мама. – Безошибочно женскую половину определил. Не удивлюсь, если ночью и сам здесь найдется.

– Это неуважение к принимающему дому, – возразила я.

– Такие, как он, уважают только себя. Мы для него – дикари. Не волнуйся, свита не даст ему надеть глупостей. – Мама успокаивающе положила руку мне на плечо. – Да и преувеличиваю я.

– А зачем мне волноваться? – удивилась я. – Я, как дочь вождя и сестра вождя, наверное, могу рассчитывать на уважение со стороны этих людей.

– По законам людей ты – незаконнорожденная, – невозможно сказала мама.

– Но как же? – опешила я. – Ваш брак с отцом – разве он был ненастоящим?

– По орочьим законам – да, но по законам людей брак у меня был только один – с королем Генрихом.

Глава 4

Эвальд

Для Радая название «город» оказалось явным преувеличением. Так, небольшое поселение, по размеру не превосходящее какое-нибудь крупное гармское село. Дома, конечно, были не деревенского вида, да и застройка выглядела не беспорядочной – прослеживался четкий план, но очень уж непривычными моему глазу казались строения. Правда, дом вождя был построен по образцу туранской архитектуры – этакое добротное поместье тамошнего аристократа, не сильно богатого, но и не из беднейших. Невольно вспомнился рассказ мамы о том, как туранская королева, жена ее отца, осталась в степи с орком. Мне всегда это казалось не более чем сказкой. Чтобы ради чувств королева пренебрегла долгом? Такого я представить себе не мог. Скорее, наши военные попросту не смогли ее освободить, поэтому отговорились забавной, наспех придуманной историей, которую мама подхватила и развила. Ее нелюбовь к Гердеру, нынешнему туранскому королю, и его матери была постоянной мишенью для шуток со стороны моего деда, хотя у мамы и были все основания для такого отношения. Думаю, дед не простил ей смутного происхождения: официальный отец моей матери, барон Уэрси, только прикрыл грех короля Генриха, который

впоследствии, Впрочем, дочь все же признал.

На втором этаже здания почудилось какое-то движение, и я вскинул голову, но плотные занавески не позволяли ничего разглядеть, если там на самом деле было что разглядывать. Я вдруг подумал, что до сих пор не видел ни одной орчанки, да и дети по улицам не бегали, хотя их любопытствующие мордочки торчали почти из-за каждого забора по дороге.

Встречать нас вышел сам Шуграт. Вождь оказался довольно молодым, возраст его если и превышал мой, то на пару лет, не более. Но лицо было лицом правителя: жесткие, резкие черты, быстрый оценивающий взгляд. Для женщин он явно привлекателен, ведь от него веет силой и успехом. Запах его имел нотку, показавшуюся смутно знакомой, но вспомнить откуда я не успел. Орк начал приветственную речь. Я думал, говорить он будет на своем, орчьем, и уже приготовился напряженно вслушиваться. Знал я этот язык не очень хорошо, лишь на уровне, достаточном для допросов, ведь раньше о чем-то другом я с орками не беседовал. Да и о чем с ними говорить? О высокой поэзии? О ней и о розах я предпочитал рассуждать в обществе прекрасных дам... Но вождь приятно удивил. Показывая уважение к гостям, он заговорил на языке, принятом повсеместно в наших королевствах, и его речь была весьма красочна и образна. Я даже заслушался: не каждый день тебя называют «грозой ночи» и «зубастым ужасом». Говорил орк с легким акцентом, немного смягчая согласные звуки, как бы пропуская их че-

рез горло, но больше ни к чему придаться было нельзя. Если бы я не знал, что передо мной степной вождь, никогда не учившийся ни в одном из учебных заведений Рикайна, был бы уверен, что окончил он столичную академию. Хотя, тут я подозрительно прищурился, может, и окончил, просто мы об этом не знаем. Правда, если учесть, что все последние годы он занимался созданием собственного государства, возможности учиться у нас у него все же не было.

С ответной речью выступил инор Кнеллер. На мой взгляд, она была весьма достойной. Дипломат не скупился на красивые эпитеты. «Гроза Степи», «Молния ночи» и тому подобное сыпалось к взаимному удовольствию. Орк довольно улыбался, покачивая головой, а наш инор вдохновенно летел на своих дипломатических крыльях, расправляя их все сильнее и сильнее. Казалось, разливаться он может бесконечно, но тут наш второй дипломат еле заметно толкнул его в спину. И то правда, сколько мы еще можем торчать перед воротами? Инор Кнеллер красиво закруглился и вручил клинок, взятый из Гаэрры. Шуграту подарок явно понравился, а вот орк, что стоял сразу за его плечом, выглядел очень недовольным. Но ублажать всех местных вождей мы не собирались. Достаточно того, что пытаемся наладить отношения с одним, который с каждым годом занимает все более значимое положение в Степи. Я опять убедился в дедовой правоте: найти общий язык с этим дикарем оказалось очень просто.

Наконец нас пригласили в дом. Не всех. Большая часть

моей свиты так и осталась во дворе. Гостеприимство на них не распространялось, нам предоставили только две комнаты. На простой вопрос о наличии в этом городе постоянного двора, последовал встречный: «А что это?» Так что большей части моих спутников не скоро придется спать под крышей, только когда вернемся в Гарм. Впрочем, им не привыкать. Гостевые комнаты располагались на первом этаже, но меня почему-то понесло на второй. Инор Лангеберг крепко ухватил меня за полу камзола и прошипел:

– Не вздумайте идти туда, куда вас не приглашали, Ваше Высочество. А то еще занесет на женскую половину и вынудят жениться на местной барышне. Представляете, как этому обрадуется Его Величество?

– А что, здесь есть местные барышни? – попытался я отшутиться. – Пока ни одной не видел. Возможно, орки вообще размножаются без женской помощи.

В пользу моей теории говорил тот факт, что детей я заметил, а женщин – нет. Хотя то смутное движение на втором этаже и наводило на некоторые размышления, и что-то продолжало беспокоить, хотелось забыть о требовании деда и навестить местную женскую половину, чтобы убедиться, что орчанки действительно существуют.

– И поменьше подобных высказываний, – недовольно сказал маг. – Вы в гостях. Постарайтесь вести себя уважительно. А есть здесь барышни или нет, вас волновать не должно, Ваше Высочество.

Его слова меня отрезвили. Не сказать, чтобы меня совсем не волновало наличие орочьих женщин, но выполнение поручения деда стояло на первом месте, а выяснением особенностей орочьего размножения можно было заняться потом, так что возражать нашему придворному магу я не стал, тем более что собирался занять одну комнату с ним, вторую было решено выделить дипломатам. Они после столь длительного пребывания на свежем воздухе выглядели весьма несчастно. А вот я бы лучше переночевал во дворе, вместе со своими подчиненными, которым места в доме не досталось. Повсеместно стоящие курильницы с дымящимися ароматическими травами вызывали свербение в носу, хотя инор Лангеберг и утверждал, что ничего вредного, кроме запаха, там нет и что тем самым орки показывают свое уважение. Но мне хотелось бы уважения немного меньше, от его избытка нос закладывало, а ведь положение наследного принца обязывало провести эту ночь в доме. Предоставленные комнаты обставлены были довольно скромно, напоминая студенческие места в общежитии. Тот же самый необходимый набор: две кровати, стол, сундук для одежды. Матрас был жестким и бугристым, так что я еще раз пожалел, что непременно нужно здесь оставаться.

– Вы не будете возражать, Ваше Высочество, если эту ночь я проведу в одном с вами помещении? – спросил инор Лангеберг. – Я могу, конечно, разделить комнату и с нашими дипломатами, но здесь мне было бы легче прийти вам на по-

мощь в случае необходимости.

Я мрачно согласился, хотя показалось, что мага намного больше заботит собственное удобство, чем моя безопасность. Но не отправлять же его к дипломатам, в самом деле, тогда ведь кому-то придется спать на полу, да и решил я это задолго до его вопроса.

Ждал нас еще торжественный ужин. Как ни странно – за столом, на вполне привычных нашему виду стульях. К этому времени курильницы уже не дымились, носом я шмыгать перестал, но вот заложенность осталась, что совсем не подняло настроения. Орков было двое: принимающий нас Шуграт и вождь дружественного ему племени Гренет, тот самый, кому так явно тоже захотелось получить от нас подарок. Сейчас на лице его недовольства не было, осталась лишь легкая задумчивость. Казалось, его, как и меня, тянет на второй этаж: его глаза все время поднимались к потолку, причем направленность взгляда указывала на ту комнату, где я заметил движение. Значит, все же в доме есть женщины. В разговор Гренет вступал редко и на нашем языке говорил плохо. Очень было похоже, что его словарь был столь же однобокий и специфичный, как и мой, – словарь врага, а не друга. На это указывал и характерный шрам от магического удара на щеке, который, впрочем, его не уродовал, а придавал некую завершенность образу степного вояки, угрюмого и неразговорчивого. Ему бы еще пол-уха отсечь, так вообще полное соответствие было бы. Или отгрызть. Да, с отгрызенным ухом он

был бы вообще идеален.

Но говорить этого я, разумеется, не стал, действуя по инструкции деда – молчать, слушать и размышлять. Вели беседу в основном наши дипломаты. Темы выбирали нейтральные, чтобы, не дай Богиня, нечаянно не оскорбить принимающую сторону. Разговор был очень вялым и никак не переходил к нужным нам вопросам.

– Удивительно тихий у вас город, – решил и я вставить пару слов. – У нас наверняка набежала бы толпа зевак.

– Я приказал, чтобы никого не было, – усмехнулся Шуграт. – Мне подчиняются.

– Женщин и детей не так легко заставить слушаться, – заметил я. – Они плохо понимают приказы.

– За них отвечают мужья и отцы, – ответил Гренет, все же не так уж и плохо он знает наш язык, как стремится показать, – которые должны хорошо понимать. А им приказал вождь.

– И что, все женщины подчиняются? – пораженно уточнил инор Кнеллер.

– Конечно, – невозмутимо сказал Шуграт. – Кому хочется опозорить свою семью? Наш закон позволяет вернуть такую жену родителям. Женщина должна подчиняться – отцу, брату, потом мужу.

Гренет согласно кивал в такт его словам, и мне показалось, что он сейчас в этот жест вкладывает что-то свое, личное.

– Шуграт, вы с Гренетом родственники? – поинтересовался я, удостоился возмущенных взглядов от своей свиты и сразу попытался исправить ситуацию: – Прошу прощения, если спросил что-то, о чем говорить не следовало. Но мы так мало знаем о ваших обычаях.

Но, видно, запретной темы я не затронул, так как орки совсем не оскорбились.

– Пока нет, – ответил Шуграт, – но я собираюсь отдать ему сестру. Тогда и породнимся.

– Но у вас же по несколько жен? – продолжал я допытываться.

Тема эта имела особую привлекательность для меня, так как я уже предлагал деду ввести нечто подобное для правящей семьи. Так сложно сделать выбор, когда вокруг столько красивых женщин, поэтому этот орочий обычай находил у меня полное понимание.

– У меня пока две, – ответил Шуграт. – Но я присмотрел уже третью.

– У меня пять, – с явной гордостью сказал Гренет. – Асиль будет шестой.

– Неужели сестра вождя согласна пойти шестой женой? – поразился я.

– Она будет шестой женой вождя, – невозмутимо ответил Шуграт. – И кто спрашивает согласие женщины? Это у нас не принято.

Но по его лицу пробежала тень сомнения, даже не сама

ть, а ее отблеск. Так что, похоже, не все так гладко с этой свадьбой, как нам стремятся показать. Но сам жених выглядел довольным и уверенным. А я подумал, что что-то есть правильное в таком устройстве жизни. Вот приказал бы полковник Штаден Эрике за меня выйти, и не нужно было бы устраивать всех эти брачных плясок вокруг девушки, вырывая согласие. А то моду взяли – отказывать наследному принцу. И ладно бы только принцессы соседних государств, а то и собственная дворянка.

– А у тебя сколько жен? – вопрос орочьего вождя ворвался в мои размышления, которые и без того были не слишком веселые.

– У меня пока ни одной, – мрачно ответил я.

На лицах орков появились недоуменно-презрительные гримасы, поэтому я быстро добавил:

– У нас принято иметь только одну жену. Поэтому я выбираю поосновательней, чтобы не ошибиться. Правитель не может жениться на первой попавшейся девушке, брак должен принести пользу стране. Если бы у нас разрешались гаремы, то жизнь правителя была бы намного легче.

Орки понимающе покивали, похоже, своими словами я вызвал у них даже некоторое сочувствие.

– Жаль, что у меня нет еще одной сестры, – немного поразмыслив, выдал Шуграт. – Тогда мы могли бы породниться и с тобой. И стране твоей была бы польза от нашего союза.

Гренет нахмурился. Похоже, ему эта идея не пришлась по

нраву. Опасается, что останется без шестой жены, которую отдадут мне? Но меня прелести орчанок волновали мало, во всяком случае, как официальных спутниц жизни. Нет уж, пусть сами женятся на своих женщинах.

– Щедрость твоего предложения не знает границ, – поперхнулся я своим восторгом. – Жаль, что у тебя нет еще одной сестры.

На лицах моих спутников проявилась столь явная радость от отсутствия непристроенных девушек в принимающей семье, что мне стало за них неудобно. Нет, я прекрасно понимал наших дипломатов. Отказаться от такого предложения невозможно, не оскорбив нашего хозяина. Остается радоваться, что его мать была не столь плодовита, чтобы обеспечить его союзами со всеми необходимыми правителями. Инору Кнеллеру все же удалось повернуть разговор в русло, необходимое нам и уводящее от темы династического брака, оказавшейся такой скользкой. А то вдруг у этого Шуграта дочь подрастает? Мы же не знаем, как рано они женятся, да и вопрос о детях за всю беседу не поднимался ни разу. Гренет прикрыл глаза и принял скучающий вид, но не думаю, что его совсем не интересовал разговор, пару раз я поймал на себе его острый, злой взгляд и подумал, что на месте Шуграта я бы поостерегся будущего родственника, ведь тот явно метит на его место, и не сестре вождя остановить его в этом желании, ведь к женщинам здесь особо не прислушиваются. Хотя, похоже было, что он действительно влюблен в девуш-

ку, раз только одно ее присутствие в этом доме заставляет его забываться. Мне стало интересно, как же выглядит эта орочья красotka, если мужчина, имеющий уже пять жен и явно не обделенный вниманием прекрасного пола, так стремится заполучить шестую. Но показывать нам свою семью Шуграт не собирался, так что любопытству моему суждено помереть неутоленным.

К моему глубокому удовлетворению, дипломатам удалось решить все вопросы, так что отъезду с утра ничего не препятствовало. Перед сном я вышел во двор посмотреть, как там устроились сопровождающие. Командир тут же подошел ко мне.

– Ваше Высочество, здесь такое дело. Дедок к нам местный с просьбой обратился. Просит разрешения, чтобы к нашей группе присоединился сирота. Хочет перебраться к родственникам в Туране, а одному по Степи ехать нельзя. На орка парнишка мало похож, еще пристрелят. – Он кивнул в сторону забора, где и сидел обсуждаемый, бедно одетый юноша, действительно мало похожий на местных жителей и глядящий на нас с огромной надеждой. – Я согласия не давал, сказал, вас спрошу.

Я равнодушно отвел взгляд от полуорка. Зачем нам брать на себя дополнительные обязательства? Нам хватает проблем и без доставок нищих к границе.

– К чему он нам?

– Я подумал, может, он будет более разговорчив, чем на-

ши орки из сопровождения, — понизил голос мой подчиненный. — Вам же так и не удалось ничего у них выяснить.

Теперь я смотрел на парня с большим интересом. В самом деле, он столько лет прожил в Степи, должен знать местные обычаи. Позвать его, что ли, в консультанты по орочьим вопросам? Хотя бы временно, но за хорошие деньги. Туранские родственники еще неизвестно как сироту примут, а так у него будет на что жить хоть какое-то время.

— Хорошо, берем, — воодушевился я. — Конь у него есть?

— Нет, из запасных дадим, — довольно предложил командир.

— Давайте, — проявил я благородство.

Выяснив, нет ли в чем острой нужды у моих людей, я вернулся в дом. На сей раз направился прямиком в приготовленную мне комнату. Желания подняться выше у меня больше не возникало. А то ведь действительно, как сказал инор Лангеберг, несколько шагов вверх — и сам не заметишь, как получишь в жены какую-нибудь непристроенную орчанку.

Глава 5

Асиль

Я осторожно тронула фантом за плечо. Плечо было теплым и вполне материальным. Оно дернулось, и мой голос недовольно произнес: «Я же просила оставить меня в покое. Неужели так трудно это понять!»

– Просто невероятно! – восхитилась я, поворачиваясь к маме. – Начинаю верить, что у нас все получится.

– Ты сомневалась? – невозмутимо ответила она. – Мою работу никто здесь заметить не в силах. Разве что тот маг, что приехал с гармским принцем. Но ему сестру вождя никто не собирается показывать.

Из дома мы вышли, никем не замеченные: мамин отвод глаз позволял и не такое. А дальше включились уже артефакты, и к начальнику охраны принца подошли пожилой орк и парнишка-смесок, тихий и ничем не примечательный. Через все защитные амулеты вояки маме удалось пробиться и легкими ментальными касаниями внушить мысль о моей полезности, так что упирался он недолго – ровно столько, сколько потребовалось бывшей туранской королеве на взлом его безделушек. Так что начальник охраны теперь был очень заинтересован в том, чтобы я ехала с ними. Но оставался еще сам принц. Удастся ли подчиненному его уговорить?

Не почувствует ли Эвальд какой-то подвох? В курильницы, расставленные по дому, мама специально присыпала совсем немножко травяного сбора, отбивающего обоняние у кошачьих. Безвредная добавка прекратила бы свое действие через пару часов после вдыхания, но не позволила бы оборотню сразу определить мой пол, если вдруг артефакт не сработает.

Решения Эвальда я ждала уже одна: мама вернулась в дом, чтобы контролировать мой фантом, который, увы, самостоятельно отвечать на сложные вопросы не мог. Я сидела, прильнув спиной к забору, еще не с гармцами, но уже не с орками, и переживала в который раз сцену прощания с мамой. Я понимала, что ей ничуть не менее тяжело расставаться со мной, но мне от этого было не легче, напротив – хотелось разделить еще и чужую боль. Ей же будет намного сложнее. Она оставалась, чтобы сделать незамеченным мое бегство и дать возможность уйти как можно дальше. Шуграт здорово разозлится, что все пошло не так, как он хотел, но сделать ничего не сможет. Гармцы посматривали на меня, но никто не заговаривал, да и между собой они почти не перебрасывались словами. Были насторожены и готовы к мгновенному отпору: брату не доверяли совсем, хотя и стремились показать обратное. Да, вражду, длившуюся столетиями, не так-то просто отринуть. Наконец принц вышел. Видно, начальник охраны сразу сказал обо мне, так как Эвальд повернулся и окинул меня заинтригованным взглядом, но интерес его угас тут же, он равнодушно бросил какую-то фра-

зу, и сердце мое сжалось от страха, что сейчас мне откажут. Уходить я собиралась в любом случае, но тогда пришлось бы идти одной, пешком, в постоянном страхе, что догонят и вернут брату. Но военный принялся убеждать своего сюзерена – не зря же с ним мама поработала, и следующий взгляд Эвальда на меня был куда более благосклонен. Но согласится ли он?

Страх не проходил до тех пор, пока не подошел начальник охраны и довольно не сказал:

– Едешь с нами.

– Спасибо, – с облегчением выдохнула я.

И сама испугалась своего голоса, настолько непривычно он прозвучал для меня – хрипловатый, склонный к ломкости, но идеально подходящий подростку, которым я сейчас выгляжу. Мамин морок был безупречен во всех отношениях.

– На нашем-то хорошо говоришь? – уточнил он. – А то я Его Высочеству пообещал, что ты расскажешь про местные обычаи.

– Хорошо, – я помедлила перед ответом. – Но я не обо всем говорить могу.

Значит, берут меня сказочницей в дорогу. Что ж, это неплохо. Только вот я действительно не должна была посвящать посторонних во многие вещи, связанные с шаманством и духами. Это была не просто тайна народа, к которому я себя относил, а тайна, за попытку разглашения которой наказывали уже высшие силы. Впрочем, если бы и не было этого

воздаяния, я все равно не стала бы выдавать секреты орков. Тем более Гарму, который являлся конкурентом по многим вопросам Турану, где жили мои родственники.

– Так нам все и не надо, – спокойно ответил начальник охраны. – Я думаю, дипломатам нужны правила поведения, традиции, которые нарушать нельзя, и тому подобное. Об этом говорить можешь?

– Да.

– Ну вот, значит, все в порядке. – Он обрадованно хлопнул меня по плечу, заставив немного покачнуться. – Едешь с нами.

И мне даже место выделили для сна, где я и устроилась, пытаюсь обдумать все, что смогу завтра рассказать, не нарушая никаких законов. Но чувство тревожности не покидало. Удастся ли незаметно от брата выехать из Радая? Что будет дальше с мамой? Она, конечно, за себя постоять может, но я даже представить не могла, во что выльется злость Шуграта. Время от времени я забывалась в зыбком сне, но постоянно просыпалась в страхе, что гармцы уехали, а меня оставили у орков.

Утром мы отправились в путь рано, чем были довольны даже оба гармских дипломата. Было заметно, что они не выспались, утомились пребыванием в Радае и стремились как можно скорее достичь человеческих поселений. Эвальд проявлял свои эмоции не столь явно, но было видно, что он тоже рад отъезду. Четвертый ночевавший в доме, придворный

маг, вышел совсем сонным и постоянно позевывал, не особо стесняясь окружающих. Но мне казалось, что это лишь обманный вид, при необходимости он мгновенно проснется и ответит быстрее любого в своем отряде. На меня он внимания не обратил, что порадовало. А вот то, что гармский принц опять лишь мазнул по мне равнодушным взглядом, напротив, почему-то расстроило, хотя было бы странно, если бы его заинтересовал бедный орочий мальчик. Завтрак был быстрый и довольно скудный, но я и этому была рада: еды с собой не удалось взять, мы опасались, что нехватку могут слишком быстро обнаружить на кухне, там всегда царил просто отвратительный порядок, и нехватка, даже самая маленькая, будет очень заметна. Но я не видела ничего страшного и в том, чтобы поголодать пару дней. Мне выделили одну из запасных лошадей, с которой мы сразу поладили. Была она спокойной и незлобивой, хотя вряд ли быстрой, но мне этого и не надо было. При выезде со двора меня никто так и не задержал, чего я все время боялась. Неужели никто так и не задался вопросом, откуда взялся еще один человек в свите принца? Мама говорила об этом свойстве своего артефакта, но я все равно сомневалась, что все пройдет так спокойно и буднично. Я украдкой бросила взгляд на наш дом и увидела, как мама махнула мне рукой и отошла вглубь комнаты. Что ж, первый шаг сделан. Я постаралась выбросить из головы все лишние мысли и сосредоточиться только на том, что сейчас важно. Главное, не выдать себя до приезда в

Гарм. Иначе почетный конвой орков, что провожал принца, может столь же торжественно вернуть сестру вождю.

Я думала, что расспрашивать начнут сразу, как только выедем из Радая, но нет – темп взяли такой, что было совсем не до разговоров. Верхом я ездить умела, но никогда раньше не приходилось проводить столько времени в седле. Усталость пришла задолго до того, как мы остановились на обед. Я держалась, казалось, из последних сил. Я прекрасно понимала, что ради меня никто не будет уменьшать скорость или делать дополнительные остановки, скорее, скажут: «Извини, парень, но дальше тебе придется добираться самому». Хорошо еще, что и без меня были люди, к седлам непривычные, и внимания они требовали намного больше. Проявлять капризы в присутствии наследного принца, который стоически переносил все тяготы, они, конечно, не могли, но вид от этого имели не менее страдальческий и несчастный. Придворный маг, казалось, так и продолжал спать в седле. Но до обеда привала все же не было. Место для остановки особо не выбирали, просто Эвальд скомандовал, и все спешили. Два несчастных дипломата скатились с лошадей и, никуда не отходя, в изнеможении свалились в траву, больше ни на что не реагируя. Но мне показывать слабость было нельзя, хотя все тело ломило так, что я не представляла, как выдержу верховую езду еще полтора дня.

– Я смотрю, тебе не приходилось так долго быть в дороге. – Начальник охраны подошел совсем незаметно и сейчас

подозрительно в меня вглядывался. – Странно это для орка. Вы же в седле проводите почти всю жизнь.

Похоже, мое состояние не укрылось от посторонних взоров, хорошо хоть, что ухаживать за лошадыю я умела: отец об этом позаботился. Орк, не знающий, как подойти к коню, выглядел бы еще более странно.

– Мне последнее время почти не приходилось ездить на лошади, – попыталась я оправдаться.

– Ах да, ты же из Радая. Неужели так быстро отвыкаешь?

Я неопределенно пожала плечами. Похоже, вчерашнее мамино ментальное воздействие на этого военного закончилось и он уже сам недоумевает, что же заставило просить за меня Эвальда. Главное, чтобы это невнятное чувство не превратилось у него в стойкую убежденность, с которой он пошел бы к магу.

– А твои родные из Радая, – продолжал он допытываться, – они не могли тебе хотя бы коня дать?

– После смерти отца у нас возникли серьезные разногласия.

Ответила я достаточно уклончиво, и военный понял это так, как посчитал нужным.

– А, – протянул он даже несколько успокоенно, – просто выставили тебя на улицу без денег, да?

– Я сам ушел, – твердо ответила я. – Никто бы меня не выгнал. Узы крови у орков священны.

– Но узы крови не помешали твоим родным обчистить си-

роту, – заметил подошедший Эвальд.

Я затравленно на него посмотрела. Способность подходить со спины совершенно неслышно и незаметно пугала. Хотя сам он, вне всякого сомнения, был красив, пусть и совсем не привычной для меня красотой. Зеленоватые глаза с постоянно вспыхивающими в них золотистыми искорками невольно завораживали, хотелось в них смотреть и смотреть...

– Это неправда! – все же нашла я в себе силы возмутиться. – Ни один орк так не поступит с родичем.

– Но что-то же заставило тебя уйти из семьи.

– Я не вижу там для себя будущего.

– Мальчик – маг. – Появление инора Лангеберга неожиданным не было: он не привык, да и не считал нужным двигаться незаметно. – У орков его Дар просто пропадет. Ты же учиться хочешь?

– Да, – кратко ответила я.

– А родные против того, чтобы ты развивал магический дар? – Маг был весьма доволен своей проницательностью и поглядывал на спутников свысока.

– Да.

Я не обманула ни единым словом. Брат не хотел моих занятий магией, он предпочитал сильного зятя обученной магичке. Инор Лангеберг явно применил заклятие правды, но и оно не обнаружило ничего не соответствующего истине в моих словах, поэтому выглядел он вполне удовлетворенным.

Казалось, он даже засомневался, не уйти ли ему, но потом все же решил остаться и послушать, что я еще расскажу.

– В Радае давно живешь? – начал допрос уже Эвальд.

– С его основания.

Вопросы сыпались безостановочно, не оставляя времени подумать хоть немного перед ответом. Теперь я начала бояться уже не того, что меня раскроют, а того, что ненароком скажу что-то, не предназначенное для чужих ушей. Принц намеревался выжать из меня все, что только мог, но при этом мой затравленный вид явно ему не нравился.

– Понимаешь, – проникновенно начал он, – понимаешь... А как его зовут? – спросил он у начальника своей охраны.

Вопрос того поставил в тупик: моего имени он не знал и знать не мог, так как этого ему никто и не говорил. Впрочем, я и сама его не знала: нам с мамой не пришло в голову, что моими расспросами будет заниматься принц, а остальным мое имя и не понадобилось бы. Но то, что вначале об этом спросили не у меня, дало мне возможность подготовиться к ответу, выбрать то, что показалось мне подходящим.

– Джангир. – И после паузы добавила: – Ваше Высочество.

– О, так он обучаем, понял, как ко мне обращаться нужно, – сказал Эвальд и посмотрел на своего начальника охраны с такой гордостью, будто он лично со мной занимался. – Так вот, понимаешь, Джангир, мы ничего не хотим плохого твоему народу. Нам сейчас важно понять, как себя вести, чтобы ненароком вас не оскорбить. Уж слишком мы разные.

– Про имя он соврал, – меланхолично заметил маг.

– Вам и не нужно мое настоящее имя, – ответила я. – А больше я ни в чем вам не соврал.

Маг насмешливо поднял бровь, и я похолодела. Мне показалось, он догадался или сумел что-то понять, что артефакт не явился для него помехой. Впрочем, делиться догадками, если у него такие и были, маг не стал.

– Да, на все вопросы Его Высочества ты отвечал честно, – сказал он, позволив мне расслабиться.

Так, в постоянном напряжении от разговоров, и прошел первый привал, окончание которого было для меня настоящим облегчением. В седло я вскочила с огромной радостью. И почему это раньше мне не нравилось ехать долго? Оказывается, расспросы намного, намного утомительнее. Да и Эвальд вел себя под конец несколько странно. Пару раз я ловила на себе его недоумевающий взгляд, как будто что-то его сильно беспокоило, но что именно, он пока понять не мог. Но ведь, если бы мамин артефакт не сработал на вернувшийся нух оборотня, он сразу понял бы, что я девушка. Значит, беспокоит его что-то другое? Возможно, какие-то мои движения не соответствуют его представлению о мужской половине орков. Знать бы еще какие...

Глава 6

Эвальд

Шуграт сделал-таки пакость перед самым нашим отъездом. С дружеской улыбкой он вручил походный шатер, сделанный по всем орочьим правилам, и сказал, что вождю не следует спать под открытым небом. Честно говоря, после проведенной в доме ночи я совсем не горел желанием опять ночевать под крышей, пусть даже матерчатой. Выделенные комнаты оказались маленькими, окна в них не открывались, и к утру воздух был уже крайне тяжел и сперт. Дышалось там отвратительно. Мне хотелось попасть на свободу как можно быстрее. Но предстояла еще церемония прощания, которая, по орочьим обычаям, должна была пройти в доме. Дипломаты по очереди бубнили положенные восторженные слова о неземном счастье, которое мы испытали, познакомившись с орочьим вождем и проведя ночь под крышей его дома. Видно, сделали они все правильно, так как Шуграт довольно покивал и торжественно вручил мне увесистый сверток, который по выходе из дома я передал одному из бойцов и даже смотреть не стал, куда он его пристроит. В душе у меня теплилась надежда, что эта пакость потеряется по дороге, а иначе спать мне придется в нем, ведь сопровождающие нас орки неиспользование подарка вождя наверняка посчи-

тают оскорблением. А вот если его украдут прямо в Радае, то оскорбленным уже смогу считать себя я. Только надежды на это было мало: улицы оказались пусты и безжизненны, как и в прошлый наш проезд по ним.

Ехали мы бодренько. Разве что инор Лангеберг, одним из девизов которого было: «Главное в работе магов – спокойный сон», невозмутимо досыпал прямо в седле и даже всхрапнул пару раз. Лошадка его мерно перебирала ногами, видно, была привычна к следованию в группе, а может, и заклятие на ней какое-то стояло – чтобы сказать точнее, моего Дара не хватало. За всю поездку я почти не видел, чтобы придворный маг применял свои умения, – так, пару бытовых заклинаний с таким крошечным вложением магии, что и почувствовать ее было почти невозможно. Как он и обещал деду, сила его была в неприкосновенности и только ждала своего часа, чтобы начать меня защищать. Дипломаты спать на ходу приучены не были, обычно их работа проходит в куда более пристойных условиях, но остатки сна с них слетели сразу, ведь задницы они поотбивали еще в первый день нашей поездки сюда. Теперь они охали при каждом удобном случае и строили жалостливые гримасы, долженствующие показать, как им приходится страдать во имя короны. Военные никакого внимания на них не обращали, главной их заботой была моя безопасность, а не ублажение придворных лизоблюдов.

О мальчишке-орке я вспомнил, только когда объявили

привал, и несколько удивился, как я мог не замечать его, пока мы ехали. Но у меня было кому наблюдать за потенциальным шпионом в наших рядах — начальник охраны уже с ним беседовал, задавая, похоже, очень неудобные вопросы для этого смеска, который все же пытался отстоять честь своей семьи и утверждал, что покинул Радай сам и никто его не выгонял и не обделял. В это верилось слабо. Тощий заплечный мешок лучше всяких слов показывал, что пожитков у этого полуорка нет, да и одежда не из богатых, а сменной явно не было. Впрочем, одежда не показатель: ему с собой могли дать деньги, чтобы купил принятую у нас. Я еще раз пренебрежительно посмотрел на этот хилый источник информации и взял беседу на себя. Парень как раз нес высокопарную чушь про узы крови орков. Когда это кому препятствовало в деле получения личной выгоды?

— Но узы крови не помешали твоим родным обчистить сироту, — насмешливо сказал я.

Парнишка испуганно повернулся и замер, как загипнотизированный, уставившись в мои глаза. Странно, так я даже на своих подчиненных не действую. Я ощутил что-то непонятное, сильно меня обеспокоившее. Непрошеное чувство нежности было настолько неожиданно, что я даже несколько растерялся. С чего вдруг у меня возникло такое отношение к нищему дикарю? Не иначе как работа какого-нибудь орочьего амулета, который должен вызывать симпатию к владельцу. Я подозрительно прищурился и дал знак придворному магу

подойти.

– Это неправда! – Возмущение орчонка казалось совсем не наигранным. – Ни один орк так не поступит с родичем.

«Да, конечно, – с раздражением подумал я. – Тебя все там любили и ублажали, именно поэтому ты и сбежал – боялся быть захороненным под избыточной опекой». Но вслух лишь отметил:

– Но что-то же заставило тебя уйти из семьи.

– Я не вижу там для себя будущего.

Инор Лангеберг наконец вспомнил, что сон является не единственной обязанностью придворного мага, и решил почтить нас своим присутствием.

– Мальчик – маг, – заявил он уверенно. – У орков его Дар просто пропадет. Ты же учиться хочешь?

– Да.

– А родные против того, чтобы ты развивал магический дар? – Инор Лангеберг поглядывал на нас с начальником моей охраны со снисходительностью человека, всегда знающего истину.

– Да.

Смесок отвечал коротко, но языком нашим, похоже, владел уверенно. Акцент почти незаметен, а то, что было заметно, вполне можно было списать на возраст, делающий голос неуверенным и ломким. Маг наш подал едва заметный знак, что парень говорит правду, во всяком случае пока, и что никаких магических воздействий он не видит. Дальше беседу

продолжил я. Ведь родные этого сироты, выставившие его из Радая, интересовали меня мало. Обделили они его или нет, какое мне до этого дело? Главной задачей сейчас были те орочьи традиции, которые могут быть нарушены нами по незнанию, что, в свою очередь, приведет к прекращению установившегося перемирия, довольно шаткого, но все же. Полностью сосредоточиться на допросе не получалось. Со мной происходило что-то странное. Нежностью к орчонку дело уже не ограничивалось. Хотелось обнять его, пройтись губами по бархатистой щеке, и не только. Меня охватывала паника. Инор Лангеберг не давал знака, что на меня воздействуют чем-то, но ведь он мог шаманских приемчиков не заметить. Пугало меня сейчас даже не столь странно возникшее чувство, более подходящее в отношении красивой женщины, чем этого мелкого грязного дикаря, намного больше я опасался того, что это заметит кто-нибудь из моих подчиненных и пойдут разговоры, совершенно недопустимые по отношению к члену правящей семьи. А еще этот мальчишка смотрел на меня как забившийся в угол дикий звереныш и явно боялся. Я злился, но я злость уже давно привык не показывать, она обычно выплескивалась в презрительные фразы по отношению к тому, кто ее вызвал. Сейчас мне хотелось оскорбить этого мелкого недоноска, показать ему и окружающим, что он ничуть мне не интересен. Впрочем, сделать это было не так уж и сложно.

– Понимаешь, – с деланой участливостью сказал я, – по-

нимаешь... — тут я понял, что так и не выяснил имя своего собеседника. Это дало возможность выказать еще больше равнодушия, обратившись уже не к нему, а к начальнику своей охраны: — А как его зовут?

Тот озадаченно молчал. Мне все меньше начинала нравиться эта странная ситуация. Чтобы начальник моей охраны взял попутчика, предварительно все о нем не выяснив? Да такого просто не может быть. Все это слишком подозрительно.

— Джангир, Ваше Высочество, — ответил мальчишка сам.
— О, так он обучаем, понял, как ко мне обращаться нужно.

Я не смог удержаться, чтобы не показать этому... гм... попутчику всю глубину пропасти, разделяющей наследного принца и немытого орка. Но все это под видом отеческой заботы и внимания.

— А про имя он соврал, — внезапно сказал инор Лангеберг.

Я вопросительно взглянул на этого Джангира, но тот даже не смутился и ответил, что в остальном-то он правду говорит. Со стороны нашего придворного мага донесся хмык, настолько малозаметный, что его услышать мог только чуткий слух оборотня. Значит, было что-то еще, но настолько для нас незначительное, что мой подданный не посчитал нужным обратить на это мое внимание. Ну что ж, он мне все равно потом расскажет. Допрос я продолжал дальше уже на чистом упрямстве, не столько вслушиваясь в ответы, сколько борясь с накатывающими волнами странных, совсем мне не

свойственных желаний по отношению к извечному противнику совершенно не подходящего для таких желаний пола. Пожалуй, и в самом орке было что-то неестественное, неправильное. Я пытался лихорадочно сообразить, что же это, стараясь внешне выглядеть невозмутимо. Понять не удавалось достаточно долго, я уже отчаялся разобраться, как вдруг меня накрыло. Этот мальчишка ничем не пах, вообще ничем. И это никак нельзя было отнести на вчерашнюю заложенность носа, поскольку сегодня обоняние работало прекрасно. Запахи находящихся рядом людей, лошадей, трав я различал, не прилагая ни малейших усилий. Да что там находящихся рядом! Со стороны орков, которые устроили привал неподалеку, тоже доносилось амбре, к слову сказать, не слишком отличавшееся от нашего, все же не мыслим мы уже достаточно давно. Только этот вот сирота, взятый моим начальником охраны по непонятной причине, ничем не пах. Ну вот просто совсем ничем. Но почему?

Допрос я закончил, думая только об этом. О подобных случаях раньше я никогда не слышал. Неужели орки настолько продвинулись в своем шаманстве? Для нас, оборотней, это было бы совсем неприятно. Впрочем, вполне возможно, это действует только на меня. Я выхватил взглядом из нашей группы единственного, кроме меня, оборотня и кивком подозвал к себе. Мой приказ обнюхать нашего попутчика он воспринял совершенно невозмутимо, выполнил его незамедлительно. Только вот на лице его сразу же появи-

лась такая гамма недоверия и удивления, что я порадовался своему умению «держатъ лицо», которое дед вдалбливал в меня с раннего детства. Он приняхался еще раз и еще, потом все же подошел ко мне и обескураженно заявил:

– Он не пахнет. Но как такое может быть? Я о таком и подумать не мог.

– Предоставь об этом думать мне.

Я похлопал его по плечу, показывая, что доволен его действиями, и скомандовал двигаться дальше. Инор Лангеберг так и не торопился делиться своими размышлениями, поэтому я подъехал к нему, попросил поставить полог тишины и прямо спросил:

– Вам не кажется этот орочий мальчик странным?

– Какой орочий мальчик?

Имитировать удивление магу удалось не очень хорошо, на мой взгляд, явно недостаточно даже для самой захудалой труппы самого провинциального театра. От фальши, звучащей в его голосе, я даже поморщился. Нет, лицедейством ему не удалось бы заработать и медной монетки.

– Не прикидывайтесь. Я говорю про этого Джангира.

– Который совсем и не Джангир, – насмешливо продолжил маг, – и Джангиром быть не может. Поскольку это не мальчик, а девочка.

– Девочка?

Я невольно дернул поводья, и конь мой замедлил шаг, но я тут же взял себя в руки, пришпорил его, чтобы опять войти

в ритм движения, и довольно нервозно спросил у мага:

– Вы уверены?

Только девочек орочьих мне здесь не хватало! Не дай Богиня, решат, что мы ее похитили или еще чего хуже. Хотя что может быть для нас сейчас хуже похищения орочьих детей?

– Точнее, девушка, – успокоил меня инор. – Ее артефакт делал очень сильный маг, Ваше Высочество, но я сильнее. Ненамного, но сильнее. Так что отличить девочку с артефактом от мальчика я могу. Но не вы. Мне даже интересно, что в ней насторожило вас, Ваше Высочество?

– Она для меня не пахнет, – кратко ответил я.

Про то, что меня влечет к этой дочери Степи, говорить я не стал: ни к чему нашему магу знать такие подробности, которые позволили бы ему сделать из меня мишень для своих шуточек.

– Не пахнет, значит, – задумчиво сказал маг. – Видно, против нюха оборотней этот артефакт тоже был рассчитан, но заменить женский запах на мужской не вышло, пришлось убрать.

– Почему вы мне сразу не сказали, что это женщина? – недовольно процедил я. – Вы же обязаны беспокоиться о моей безопасности. А здесь начальнику охраны подсунули непонятно что незаметно для него, а вы молчите.

– И чем угрожает вашей безопасности сопровождение женщины до границы?

Я чувствовал себя дураком. Ведь, исходя из своих ощу-

щений, пусть и таких смутных, вполне мог бы и догадаться о половой принадлежности нашего спутника, точнее, спутницы, а вместо этого насочинял о влиянии на меня шаманского амулета. Кстати...

– А шаманские вещицы у нее есть?

– Нет. Есть еще пара артефактов, но активен только один – сбивающий поиск.

– А как ей удалось воздействовать на начальника охраны? – недоверчиво спросил я. – Он же артефактами увешан, как дома разноцветными гирляндами на празднике Середины зимы.

– Скорее всего, тот маг, что делал артефакт, и помог девочке с ним договориться, – невозмутимо ответил инор Лангеберг. – Воздействие было совсем крошечным и незаметным, только чтобы вызвать желание помочь. Сама эта орчанка – маг более слабый, с военными артефактами не справилась бы. Да и опыта такого у нее нет.

– Хорошие же артефакты у нашей армии, – возмутился я. – Получается, что с ними в безопасности мы быть не можем: любой маг со стороны приходит и сносит всю защиту.

– Не любой, а очень сильный и опытный, – возразил инор Лангеберг. – А такие с орками не сговариваются. Даже странно, что этот, с его-то уровнем, сидел в Радае. Но ваши артефакты, Ваше Высочество, делал я, с ними бы он не справился. Впрочем, я все равно не рекомендовал бы вам чувствовать себя в безопасности и полагаться только на артефакты:

это расслабляет, знаете ли...

Слова его странным образом меня успокоили. Причин для паники не было, просто вторая ипостась почувствовала в этом мальчишке женщину, вот меня к ней и потянуло. Скорее всего, если я увижу ее без артефакта, это чувство пройдет без следа: вряд ли орчанка столь хороша, что вызовет у меня желание посмотреть на нее второй раз. Но вдруг?

– Инор Лангеберг, а она красивая?

– Кто о чем, а наш принц опять о женщинах, – насмешливо протянул он.

– И все же? – нетерпеливо сказал я.

– Откуда мне про это знать?

– Ну вы же видите через артефакт...

– Я не вижу через артефакт, – тон мага явно указывал, что уж это я должен был вынести из курса магии. – Я вижу, что артефакт есть.

– Позвольте, но вы же сказали, что это молодая инорита, – запротестовал я.

– Я вижу ауру, – пояснил он с тяжелым вздохом. – Хороша ли ее обладательница или дурна, мне знать не дано. Могу только сказать, что орочьей крови в ней лишь половина.

– Вот как...

– Ваше Высочество, не надо делать глупостей. Вам сейчас не о диковинных женщинах думать надо, а о выполнении задачи, поставленной перед вами дедом.

Но я его уже не слушал. Я не собирался гадать, красива

она или нет. Желание посмотреть на нашу спутницу без всяких артефактов было уже необычайно сильным, буквально выжигало изнутри. Интересно, сохранится ли оно, когда я ее увижу без магических изменений? А в том, что увижу, я не сомневался. И возникнет ли желание увидеть ее не только без артефактов, но и без всего остального, что только уродует прекрасное женское тело? Я чувствовал, как внутри разгорался знакомый огонек охотничьего азарта. Кто только не встречался среди моих многочисленных любовниц: и яркие страстные лорийки, и сдержанные в обычной жизни, но не в постели, туранки, и жительницы моего Гарма, такие непосредственные и щедрые на любовь. Даже несколько эльфиек попадались, но о них приятных воспоминаний не осталось, слишком скучны и претенциозны. Девушки с небольшой примесью орочьей крови тоже были. Но эта, орчанка наполовину, да еще воспитанная в их традициях... Это должно быть необычайно занимательно. Не думаю, что она так торопится к своим туранским родственникам, да и учиться можно у нас, в Гарме. Я оглянулся и встретил ее настороженный взгляд. Да, взгляд был определенно женским, как я сразу не понял, когда она застыла передо мной, пораженная неожиданностью моего появления. Пугать ее раньше времени не стоило, так что я сделал равнодушный вид и отвернулся.

Глава 7

Асиль

Радость от того, что мы вновь начали движение и допрос закончился, продлилась недолго. Усталость никуда не делась, горели непривычные к такой нагрузке мышцы, от напряжения после разговора с Эвальдом болела голова. А еще ужасно, до колик в животе, хотелось есть. На этом привале все перекусывали тем, что везли с собой, но даже если бы у меня что-то и было, все отпущенное на отдых время ушло на разговор с Эвальдом. И теперь желудок ныл, постоянно напоминая о том, что в него неплохо было бы что-нибудь положить. Я сделала пару глотков воды из фляжки, надеясь утихомирить разбушевавшийся орган. Все равно есть было нечего. Тем более что совсем не голодные позывы заботили меня сейчас больше всего. Мне показалось, что гармцы не удовлетворились разговором и предстоит мне допрос куда более придирчивый. Выражение лица начальника охраны после вопроса о моем имени мне совсем не понравилось. Повидимому, ему в голову начали закрадываться предположения о возможном магическом влиянии на решение помочь. Но больше всего меня беспокоил Эвальд. Было в нем что-то притягивающее и возмущающее меня одновременно. Танец золотистых искорок в его глазах лишал силы воли и мог бы

заставить надеть глупостей, полностью потерять благоразумие, если бы... Если бы не его поведение – презрительное, показывающее, насколько он ставит себя выше. Не окружающих, нет, только меня. Со своими подданными он обращался с легкой долей небрежности, которая была ближе к панибратству, чем к неуважению. А вот ко мне он относился как к какому-то грязному животному, по недоразумению овладевшему человеческой речью. И это было настолько отвратительно, что хотелось ответить ему тем же, показать, насколько низко и некрасиво он себя ведет, но возможности такой у меня не было, да и вряд ли когда появится. Приходилось терпеть и делать вид, что я ничего не замечаю. Оставалось только желать поскорее добраться до границы, где я смогу расстаться со своими спутниками. Я им, конечно, очень благодарна за помощь, только предпочла бы заплатить за нее деньгами, а не своей гордостью.

Эвальд, все это время оживленно что-то обсуждавший со своим магом, как будто почувствовал, что я о нем думаю, повернулся и посмотрел, казалось, прямо мне в душу. Отвел взгляд почти сразу, но я поняла одно: поездка моя в этой компании не складывается, и дальше нужно будет добираться одной, если я не хочу получить крупные неприятности. С гармцами к вечеру мы одолеем много больше половины пути, так что и пешком доберусь за несколько дней. Зато не будет никаких подозрительных взглядов и презрительных окриков. Значит, как только объявят привал, я их покину и

пройду столько, сколько буду в состоянии идти. Если смогу после этой скачки идти всю ночь – значит, так и будет.

Это решение меня несколько успокоило. Даже желудок притих в надежде, что в степи встретится что-нибудь съедобное и он получит порцию пищи. Но сразу после привала уйти не получилось. Это привлекло бы ненужное внимание, да и сначала следовало заняться своей лошадью. Она заслуживала уважения больше, чем любой в этом отряде. А потом я еще немного задержалась, уж больно утомительно раскладывали гармцы орочий походный шатер. Сразу понятно, что никогда раньше они ничем подобным не занимались. Эвальд крутился вокруг, давая ценные указания, но помогать не спешил, ведь в случае чего можно потом сказать, что его слова поняли превратно и сделали совсем не так, как он говорил. Шатер все же поставили, Эвальд его недоверчиво обошел несколько раз, потыкал в упруго прогибающиеся стенки, но все же плавно нырнул внутрь, бросив перед этим пару слов начальнику охраны. Я искренне пожелала, чтобы наше изделие сложилось прямо на его голову, подхватила мешок и даже успела сделать пару шагов в сторону.

– Эй, Джангир, тебя Его Высочество хочет видеть.

Я задумчиво посмотрела на начальника охраны. Пожалуй, если я сейчас брошусь бежать, меня точно в чем-нибудь заподозрят, и без того у этого вояки на лице написано недоверие крупными буквами. Пожалуй, по-хорошему меня уже не отпустят. Но попробовать все же стоило.

– А если я не хочу его видеть? – вполне миролюбиво спросила я.

– Как это? – возмутился он. – Тебя брали на условиях, что ты расскажешь принцу все, что нужно.

– Я уже рассказал все, что можно. Больше мне добавить нечего. Не вижу смысла в еще одной беседе.

– Как-то ты слишком умно для орка заговорил, – подозрительно прищурился начальник охраны.

– Я уже понял, что все орки для вас – слабоумные по определению, – заметила я. – Ваш принц это очень доходчиво показал.

– Обидчивый, значит, – он цепко ухватил меня за руку, – вот и расскажешь о своих обидах Его Высочеству. У меня есть приказ, и я собираюсь его выполнить.

Я с тоской посмотрела на степь. Свобода была так близка, но совершенно недоступна. Даже вырвусь я сейчас, что не очень возможно – вон какая лапища у этого вояки, – далеко ли убегу по открытому месту? Говорят, некоторые эльфы умеют обращаться в любое животное по своему желанию. Вот бы взлететь птицей высоко-высоко. Но, увы, я такой способностью не обладала, так что пришлось смириться. Начальник охраны довел меня до шатра, который хоть и несколько скособочился, но, к моему глубокому сожалению, так и не обвалился, и сказал:

– Поймал его, когда он со своим мешком удрать собрался. Сигнал подать или еще что.

– Неправда! – возмущенно посмотрела я на него. – Никому я сигнал подавать не собирался, да и нечем мне это делать! Мне просто отойти надо было. По нужде.

– А зачем вещи с собой потащил?

– У меня не так их много, чтобы разбрасываться. Меня предупреждали, что у людей взять чужое – обычное дело.

– На что это ты намекаешь, орочье отродье? – побагровел военный. – Среди нас воров нет!

– Я вас не знаю, – спокойно ответила я. – Лучше поостеречься, чем остаться совсем без ничего.

Эвальд наблюдал за нашей перебранкой, насмешливо щурясь. И улыбка у него была такая... нехорошая. Он кивком пригласил меня внутрь шатра, а начальнику охраны, вознамерившемуся шагнуть за мной, сказал:

– Мы с инором Лангебергом сами разберемся, у тебя и так дел полно.

В шатре троим было тесно, все же он был не жилой, а походный: от неожиданного дождя спрятаться да показать начальствующее положение. Маг выглядел недовольным, но его недовольство, пожалуй, было вызвано не теснотой, а моим появлением, так как сам он уже успел разместиться со всеми удобствами и даже магический огонек зажег, видимо считая, что это придаст уюта. Огонек мерцал, отбрасывал зловещие тени по матерчатым стенкам и действовал на меня совсем гнетуще. Принц жарко дышал в затылок, как огромный дикий зверь, ничего не говорил и совсем не собирался

покидать свое стратегическое место у входа. Не догадывался он, видно, что при необходимости я могу прожечь в матерчатой стене дырку, вполне достаточную для бегства. Разве что придворный маг вряд ли даст мне это проделать у него на глазах. Молчание уже казалось тяжелым и вполне материальным, когда я развернулась так, чтобы видеть обоих своих противников, а они явно уже перешли из попутчиков в противники, и спросила:

– Ваше Высочество, вы хотели меня видеть? Возможно, ваш подчиненный все же ошибся и я могу уйти?

– Нет, – протянул он, глядя на меня с каким-то жадным любопытством. – Я хотел продолжить нашу беседу. Инор Лангеберг, поставьте полог тишины. Мне не нравится, когда подслушивают, пусть даже делается это с самыми благими целями.

Маг выполнил его просьбу с явной досадой. Я недоумевала, что же такого собираются мне сейчас сказать. Неужели вербовать в осведомители гармской разведки? Интересно, стоит ли мое согласие безопасного проезда до границы? Я с трудом подавила возникший смешок. Что за глупые мысли приходят в голову? Такими вещами занимаются не наследные принцы. Но что-то же ему нужно...

– Я хотел бы вернуться к нашей занимательной беседе, – бархатистым, обволакивающим голосом начал Эвальд. – Только вот, знаешь ли, дорогая, есть у меня такая привычка – видеть истинное лицо того, с кем разговариваю.

– Я не понимаю вас, Ваше Высочество. Я свое лицо не скрываю, – изобразила я удивление, получилось на редкость правдоподобно, мне даже самой понравилось, только, если судить по лицам мужчин, никто мне не поверил.

– Я хочу, чтобы ты отключила артефакт, – тоном, не допускающим возражений, сказал принц. – То, что ты девушка, мне известно. Так что не надо говорить, что ты свое лицо не скрываешь. Ведь это неправда, и инор Лангеберг может это подтвердить.

Инор Лангеберг недовольно кивнул. Похоже, эта ситуация не нравилась ему почти так же, как и мне, но убедить своего сюзерена маг не смог.

– Оттого, что я его отключу, что-то изменится? Или мои ответы станут более правдивыми? – холодно спросила я.

Но голос подростка совсем не подходил к такому заявлению, только заставил мужчин переглянуться и снисходительно улыбнуться. Да, мама одним взглядом сумела бы их проморозить, ей даже магию для этого задействовать не пришлось бы. Но это мама, она оттачивала свое умение десятилетиями. Вполне возможно, что и в своем настоящем облике я не смогла бы произвести нужное впечатление.

– Выполни мою просьбу, – с явной угрозой в голосе сказал Эвальд, – или этим займется инор Лангеберг. Ты же понимаешь, что ему вполне под силу вскрыть твой артефакт.

Такое заявление меня возмутило. Не настолько слабой магичкой была моя мать, чтобы ее поделку можно было вот так,

на коленке, вскрыть посреди степи за пару минут, пусть даже этим займется придворный маг, восседающий здесь с кислым выражением лица и явно не желающий получить дополнительную работу, к тому же довольно сложную.

– Только не так быстро, как бы вам этого хотелось, Ваше Высочество, – заметила я. – Да и подходящих инструментов может не оказаться с собой у вашего инора.

– В таком случае придется тебе проехать с нами до лаборатории нашего мага, – насмешливо заявил принц. – Не могу же я позволить, чтобы с нами ехал неизвестно кто, да еще втершийся в доверие явно магическим способом.

– Я никакой угрозы для вас не представляю, – хмуро ответила я. – Я просто хочу доехать до границы. Я не пытаюсь ни к кому втереться в доверие. Я не пытаюсь ни с кем завести дружеских отношений. Более того, я согласна дальше с вашим отрядом не ехать. Вот прямо с этого момента. Можете считать наш договор расторгнутым.

– Это уж решать мне, – отрезал он. – Поедешь ты или нет. А если поедешь, то в каком качестве – пленницы или попутчицы. Впрочем, возможно, лучшим решением будет сдать тебя сопровождающим нас оркам. Мне не нужны лишние проблемы для Гарма.

Вот тут я действительно испугалась. Ведь если он это делает, то мечтам моим уже никогда не суждено будет сбыться. Меня вернут брату, а тот выдаст, за кого посчитает нужным. За Гренета, если не передумает к этому времени. Но свое-

го страха я постаралась не показать. Я молчала и пыталась придумать хоть что-нибудь, что позволило бы обратить ситуацию в свою пользу. Найти хоть какой-то выход из положения, казавшегося на первый взгляд безысходным.

– Только не надо говорить, что у вас не принято показывать лица чужим, – предупредил меня Эвальд. – Ты же собираешься к родственникам в Туран магии учиться. С закрытым лицом это невозможно.

Я вовсе не собиралась отговариваться такой глупостью, но попыталась все же воззвать к его разуму:

– Ваше Высочество, ну подумайте, какая может быть связь между моим настоящим лицом и безопасностью вашего отряда. В любом случае мы вскоре расстанемся.

– Считай это моей прихотью, – нахально заявил он мне. – Как я уже говорил, я хочу видеть лицо того, с кем разговариваю.

– А инор Лангеберг тоже этого хочет? – ехидно спросила я.

– Мне достаточно ауры, – заметил маг. – Так что я не настаиваю.

– Инор Лангеберг, выйдите наружу и погуляйте немного, – внезапно скомандовал принц. – Видите, дама вас стесняется.

– А как же безопасность? Вы не боитесь, Ваше Высочество, что я на вас нападу?

Эвальд насмешливо хмыкнул и выразительно посмотрел на мага. Тот недовольно нахмурился, но, к моему глубочай-

шему сожалению, возражать не стал и вышел почти сразу.

– Итак, дорогая, – промурлыкал принц. – Теперь тайна твоя останется в надежных руках надежного человека.

– Надежные люди не пытаются шантажировать малознакомых попутчиков, – возразила я.

Он молчал и лишь выжидающе смотрел на меня. Я немного помедлила и все же отключила артефакт, но только тот, что отвечал за изменение внешности. Блокирование поиска я не стала бы отключать ни за что. Ведь неизвестно, удастся ли маме скрывать от брата мое отсутствие столь успешно, как вчера вечером. Эвальд уставился на меня так, как будто в жизни ничего прекраснее не видел. Восхищение его казалось совсем не наигранным и было для меня неожиданно приятно. Брат мне часто говорил, что я красива, но увидеть подтверждение этого от постороннего человека значило больше, чем все слова родственников. Принц был совсем близко от меня, и я рассматривала его с не меньшим интересом и каким-то странным внутренним трепетом. Золотистые искорки в его глазах опять устроили свой завораживающий танец. Крылья его носа заходили, судорожно втягивая в себя воздух, и он довольно сказал:

– Ты изумительно пахнешь. Весной. Цветущей степью.

Я посмотрела на него с огромным сомнением. После дня скачки под довольно сильно греющим солнцем пахнуть я должна была чем угодно, только не цветами. Но Эвальд даже прикрыл глаза от удовольствия. Он вдыхал мой запах так,

как будто боялся, что хоть малая его часть пройдет мимо него. Впрочем, глаза он тут же открыл и опять стал внимательно меня изучать. Потом неожиданно поднял руку и провел по щеке, чуть прикасаясь кончиками пальцев, я даже не успела отстраниться, правда, мне этого уже и не хотелось. В груди разрасталось что-то странное, мягко-волнующее и тревожащее, хотелось стоять и глядеть на него бесконечно. Но все очарование момента было разрушено в один миг, когда он внезапно сказал чуть мурлыкающим голосом, таким нежным, таким обволакивающим:

– Ночуешь здесь.

Тон его даже не предполагал моего отказа. Отрезвление наступило сразу же. Золотистые искорки потеряли всю свою привлекательность, ведь за ними был обычный хам, пусть и облеченный властью, и сейчас он пытался получить с меня плату за помощь. Плату, которой я ему давать не собиралась.

– Можешь сразу вернуть меня оркам, что тебя сопровождают, – презрительно бросила я ему в лицо.

– Что?

Мне показалось, что Эвальд несколько растерялся.

– Я не собираюсь собой расплачиваться.

Мне хотелось плакать от обиды и разочарования. Разочарования в чем? Пожалуй, я и сама не смогла бы точно ответить на этот вопрос. Возможно, в том, что искорки, казавшиеся золотыми, на деле были всего лишь искусной подделкой.

Глава 8

Эвальд

Что мне не зря хотелось, чтобы девушка сняла свой артефакт, я понял сразу, когда увидел ее без морока. Да это просто преступление – прятать такое личико от других! Нельзя сказать, чтобы оно было полностью безупречно: несколько удлинненный овал напомнил мне почему-то Шарлотту, жену моего младшего брата, восхищения внешностью которой я с ним не разделял. От орков нашей спутнице достались удивительные, чуть приподнятые к вискам глаза, сложная объемная прическа из многочисленных переплетений косичек и легкая смуглота кожи, которая казалась нежной, как лепесток полевого цветка. Я не выдержал и провел пальцами по щеке девушки. Бархатистая, теплая, мне чудилось, она и на вкус должна быть как какой-нибудь редкий фрукт. Рот невольно наполнился слюной только от одной этой мысли. Она молчала и лишь смотрела на меня, открыто и с каким-то удивлением

Легкие тени под глазами и заметно заострившиеся скулы показывали, как ей тяжело далась наша безостановочная скачка. Она выглядела такой тоненькой, такой хрупкой, а ведь вынесла всю дорогу без единого слова жалобы. Не то что наши дипломаты. Инор Кнеллер не только ныл безоста-

новочно последний перегон, но уже успел подойти ко мне с весьма прозрачным намеком, что негоже таким ценным сотрудникам спать на траве, где холодно, а под утро еще и мокро, и ползают всякие гадкие насекомые, а возможно, даже змеи, от укуса которых миссия наша может понести невосполнимые потери. Но давать им для ночевки дар Шуграта я не собирался. Теперь-то я точно знаю, кто сегодня будет спать в этом шатре. Вот эта прекрасная нежная девушка.

– Ночуешь здесь.

Обычный приказ, каких за день я раздавал своим подчиненным порой больше сотни. Дед иногда ворчал, что единственное, что ему удалось во мне выработать за годы воспитания, – командный голос. Ослушаться еще никому в голову не приходило. И тем неожиданней была ее реакция. Лицо стало жестким, презрительным, высокомерным. Пропала вся мягкость и нежность, на их место пришло... чувство собственного достоинства? Так гордо и уверенно выглядеть удастся не всякой прирожденной дворянке, а уж от полунищей орчанки я такого и не ожидал.

– Можешь сразу вернуть меня оркам, что тебя сопровождают, – процедила она.

– Что?

Я был удивлен и не хотел скрывать этого. Чего это вдруг ей пришло в голову мне не подчиниться? Чем так страшна ночевка в этом шатре?

– Я не собираюсь собой расплачиваться, – в ее голосе зву-

чал металл.

Теперь только я понял причину таких изменений. И мне так обидно стало. Я в ее пользу отказываюсь от чести нахождения в этом орочьем сооружении, а она меня подозревает во всяких некрасивых вещах. Мысли о том, что я лишь ищу повод не находиться в шатре, я загнал как можно дальше и глубже.

– Ты серьезно думаешь, что для меня вершиной желаний было бы провести ночь с женщиной в таких условиях? – Я выразительно обвел глазами скудное содержимое шатра. – После целого дня скачки, уставшим и грязным?

– Но как тогда понимать твои слова? – холод и высокомерие из ее голоса никуда не делись, правда, теперь к ним приешалась нотка неуверенности.

Богиня, можно подумать, что это она принцесса, а я невесть кто и теперь должен перед ней оправдываться. Когда орчонком притворялась, то и «Ваше Высочество», и обращение на «вы», а как решила, что я с ней поразвlecься собрался, то и показное уважение пропало. И самое обидное, оправдываться приходится в том, о чем на тот момент и не думал. Нет, я бы не отказался провести ночь с ней даже здесь, да и не так уж я устал, но только в том случае, если бы она сама захотела. Но подозревать меня в том, что я могу принудить женщину подарить мне свою любовь? Как это, однако, оскорбительно!

– Я не могу допустить, чтобы единственная женщина в

моем отряде спала под открытым небом, в то время как у нас есть такой отличный шатер, – с этим определением я явно польстил нашему немного скособоченному нынешнему месту. – А мы с инором Лангебергом можем полюбоваться на звезды.

– Я тоже могу полюбоваться на звезды, – нерешительно сказала она.

Такой мягкой, покладистой она нравилась мне намного больше. Интересно, смогу я получить от нее в качестве извинения поцелуй? Хотя по ней не заметно, чтобы она винила себя в чем-то.

– Нет, я уже сказал. Ты спишь здесь, – жестко ответил я.

– Это невозможно. – Она очень неуверенно и мягко мне улыбнулась.

Улыбка украсила ее лицо еще больше, оно вдруг стало таким родным и близким, как будто я уже много лет ее знаю.

– Почему вдруг?

– А как ты объяснишь, не выдавая моей тайны остальным, свое желание отдать мне на ночь шатер? Да и сопровождающие нас орки могут неправильно понять и оскорбиться. Я тебе очень благодарна за заботу, правда. Но я лучше без нее обойдусь, чем создам дополнительные проблемы для тебя и для себя.

Я с неохотой признал, что она права. Мало ли какие слухи поползут, если я отдам ей свой шатер. И ведь всем не объяснишь, что это была замаскированная девушка. Очень краси-

вая девушка. Но все равно она меня своими подозрениями ранила в самое сердце.

– Что-то не видно, чтобы ты мне была благодарна, – язвительно сказал я. – Оскорбила, как могла.

– Извини, – смущенно ответила она, потом вдруг резко покраснела так, что даже кончики ушей стали ярко-алыми, и поправилась: – Извините, Ваше Высочество, что я была неблагодарна и груба.

Ее переход на формальное обращение почему-то обидел сильнее, чем когда она обращалась на «ты» и говорила дерзости. Она казалась теперь от меня бесконечно далекой, такой официальной и чужой.

– Извиняю, – сухо сказал я. – Можешь активировать свой артефакт и уходить.

Девушка приоткрыла рот, как будто хотела сказать что-то еще, но потом молча вернула внешность невзрачного подростка и пошла на выход. Вот так, даже не попытавшись как-то сгладить нанесенную мне рану, погладить, полить бальзамчиком ласковых слов, поцеловать, чтобы боль утихомирить. А может, она вообще собирается сейчас покинуть наш отряд? Эта мысль так меня испугала, что я невольно вскрикнул:

– Стой! Дай слово, что ты сейчас не сбежишь и до границы доедешь с нами.

С ответом она помедлила. Видно, именно это и собиралась сделать сразу, как от меня выйдет. Поэтому я добавил:

– Здесь тебя никто не будет обижать и тем более возвращать тебя оркам. Обещаю.

– Хорошо, – ответила она. – Я тоже обещаю, что не убегу. А теперь выпустите меня, Ваше Высочество.

Выпускать ее мне не хотелось, но раз уж сам сказал ей уходить, да и повода задерживать дальше ее не было, пришлось посторониться. Она торопливо сделала шаг, намереваясь покинуть шатер как можно быстрее. Но мне так не хотелось с ней расставаться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.